

ex

охота

и охотничье хозяйство

1

1996

1996, 11-6

Вологодская областная универсальная научная библиотека

www.booksite.ru

С Новым годом!

ЗИМЫ СЕРЕДИНА

Странный месяц январь. Вроде бы и зимы середина, а в европейской части России бывает иногда так, что затяжная оттепель сгоняет почти весь снег. Случаются оттепели короче, чернеют от влаги деревья, подлипает к лыжам снег, и ходить приходится в резиновых сапогах. Бывают, конечно, и морозные дни, да такие, что вода, превращаясь в лед, рвет древесину и трещат деревенские заборы и деревья в лесу.

Январь — тяжелый месяц. В феврале наступает «весна света», а в январе еще слишком короток день, давит темнота, и люди все больше времени проводят дома. Только охотники никак не утомляются: продолжается охота на копытных, на боровую птицу, идет промысел пушнины. Но если осенью или весной плохая погода воспринимается лишь как досадная помеха, январские снега, морозы и оттепели — сущее испытание выносливости охотника. В морозы слишком подвижны и чутки копытные, а снег предательски скрипит, да и на номере непросто выстоять, не дрожа от холода. А в оттепель не всякий сможет весь день шагать на тяжелых широких лыжах. Если же из лесной чащи по сугробам придется вытаскивать на себе отстреленного зверя, невольно позавидуешь лошади, у которой и сил побольше и ноги четыре. Поэтому трудно сказать чего больше в январской охоте: удовольствия от созерцания природы или гордости от сознания того, что смог преодолеть все трудности.

Особое удовлетворение приносит в январе удачное тропление зверя. Ходить весь день, присматриваться к следам куницы, безошибочно отличать их от других, не терять их ни на снегу, ни на припорошенных снегом мхах, идти по едва заметной посорке, когда куница прыгает где-то вверху, и наконец добыть лесную красавицу, одетую в нежнейший шелковистый мех, — разве это не достижение?!

Пройти или проехать иногда не один десяток километров, чтобы замкнуть

круг, из которого не будет выходных волчьих следов, угадать, где могли остановиться на дневку серые разбойники, не подшумев, обложить флажками. Это ли не работа? А когда звери будут добыты, разве не испытают участники охоты на них высочайшего удовлетворения?!

Чем с большим трудом приходит успех, чем сложнее охота, тем на более долгое время запоминается она, хотя, бывает, и случайная удача оказывается такой яркой, что потом, как о семейном предании, о ней рассказывают из поколения в поколение. Ведь далеко не каждому охотнику за всю жизнь удается увидеть, как из белого снега в снежной пыли возникают вдруг совершенно реальные белые или черные птицы и улетают, словно растворяются в туманной белизне зимнего утра. Кто видел такое, тот согласится, что картина эта похожа на волшебство. Тут от удивления и восторга, можно сказать, отвисает челюсть, и охотник подчас забывает о ружье.

Есть в январе и поистине героические охоты. Ведь не всякий охотник отважится пойти к берлогу.

Неистощимо разнообразны эпизоды январской облавной охоты на копытных. Я видел, как здоровенный мужчина, стоявший на номере в лунке утоптанного снега, сделал с места почти двухметровый прыжок в сторону от идущего на него смертельно раненного секача. Потом он нервно курил, держа дрожащими руками сигарету, и просил добыть кабана.

Очевидец рассказывал, как однажды на облавной охоте за Нальчиком на стрелка, стоявшего у бука, вышел секач и, смертельно раненный, отбежал в сторону и упал. Вслед за ним на того же стрелка, нагнув рога, бросился зубр. Стрелок замер, обхватив дерево, а зубр,

буквально в двух метрах от него, увидел в стороне держащегося лежащего кабана, резко повернул в его сторону, боднул его рогами и ускакал. Подошедшие к стрелку товарищи все поняли по следам и, удивившись выдержке охотника, позвали его с собой, но от дерева его пришлось буквально отрывать силой.

К сожалению, каждую зиму на облавных охотах бывают трагические случаи: убивают стрелка или загонщика. Происходит это из-за недисциплинированности участников охоты. Кто-то в азарте выстрелил вдоль линии стрелков, кто-то пальнул в сторону близкого загонщика. Подобный случай, даже если и не заканчивается трагически, должен быть разобран, виновного нужно лишить права участия в облавных охотах. Вообще же самой безопасной может быть признана лишь стрельба в зверя, уходящего за стрелковую линию.

Вторая причина трагедий — неправильно, по ломаной линии, поставленные стрелки. Это происходит в лесах, лишенных просек, и чаще — в горах, где выстроить ровную стрелковую линию особенно трудно. Мне довелось побывать на такой охоте. По идущему зверю стреляли с разных сторон и с разных высот. Пули свистели вокруг меня, одна из них угодила в ствол соседнего бука. Думаю, только по счастливой случайности на этой охоте обошлось без жертв.

В другой раз меня поставили на гребне горы, а вся загонная охота проходила подо мной. Где-то внизу кричали загонщики, где-то далеко от меня стреляли по кабанам, а на меня вышел волк. Я убил его, и никто не слышал моего выстрела. Каково же было удивление товарищей, когда я предъявил им свой трофей!

Все это было в январе. Охотнику не забыть ни тревожного ожидания зверя, ни падающего с еловых лап снега, ни снегирей, ни синиц, перепархивающих поблизости. Не забыть и свинцовых низких туч и того, как уже в темноте еле дотаскился по липкому снегу до охотничьей базы.

Охота в январе — чисто мужское занятие. Женщину или подростка можно встретить с охотником на тяге, в лодке во время утиных перелетов, в шалаше на тетеревином току и даже на току глухаринном, но мне никогда не пришлось видеть женщин или подростков на зимних охотах. Охота в январе требует мужской силы и выносливости.

охота

и охотничье хозяйство

1

1996

Ежемесячный иллюстрированный журнал.

Учредители: трудовой коллектив редакции журнала, Союз обществ охотников и рыболовов РФ.

● Основан в октябре 1955 г.

Н. РУКОВСКИЙ,
кандидат биологических наук

ОХОТА В МОЕЙ ЖИЗНИ

Теперь уже не помню, что послужило толчком к моему увлечению охотой, но страсть к ней у меня зародилась еще в раннем детстве. Вид человека с ружьем в охотничьем костюме, принадлежности охоты в витрине магазина, картины и открытки с изображением зверей, птиц, охотничьих собак, трофеев охоты или самого процесса охоты приводили меня в страшное волнение. Я перечитал доступные мне книги об охоте, по многу раз вынуждал родных и знакомых вспоминать о каких-либо встречах с дикими животными и рассказы об этом мог слушать бесконечно. Одна из моих многочисленных тетушек, первая моя учительница, происходила из семьи Толпыго, отчима Н. М. Пржевальского, а потому рассказы о великом путешественнике и охотнике были у меня на слуху с детства.

Я жил с родителями в Смоленске, небольшом городе с крепостными стенами и мощными башнями, старинном, похожем в то время только на самого себя. Тихие улицы окраин, утопающие в садах, незаметно переходили в овраги, заросшие кустарниками, в поля и перелески. Дикие пернатые и четвероногие встречались не только в окрестностях города, но нередко забегали и залетали на его улицы. Порой зайцев, лисиц, барсуков обнаруживали в садах и на пустырях в черте города, а хорьки постоянно жили во дворах под сараями, собирая дань с ближайших курят-

ников. Купола Успенского собора, который и теперь высится над городом, были местом зимовки соколов-сапсанов, и охота этих редких теперь птиц на галок и голубей происходила тут же на глазах жителей. Не вызвали удивления встречи в садах и на кладбищах сычей, болотных и ушастых сов. Весной и осенью во время пролета свист утиных крыльев и гогот гусей можно было слышать над крышей собственного дома, а в начале лета пролетные перелета оседали по городским садам, и ночи наполнились их криками «спать пора, спать пора»...

Возможно, что именно такая обстановка, постоянная близость к природе и были одной из причин, пристрастивших меня к охоте. Период пользования рогаткой, самострелом и луком прошел незаметно. Я рано получил в свои руки ружье, и охота стала поглощать меня полностью. Все свободное время (да что греха таить, иногда и часы школьных занятий!) я проводил за городом и, конечно, с ружьем. Однако на первых порах излишняя горячность и страстность мешали моим охотничьим успехам, и я долго не мог похвастаться достойными трофеями. Вид дичи приводил меня в такое волнение, что я забывал о ружье или, боясь промахнуться, бесконечно долго выбирал момент для выстрела, а иногда, наоборот, торопился выстрелить и палил не целясь. Во всех этих случаях результат был один и тот же — дичь убегала или

улетала, а я стоял, сжимая в дрожащих руках ружье, и долго еще не мог успокоиться. Для того чтобы пережить несколько волнующих мгновений, я готов был выносить любые лишения: не спать ночи, вставать до зари, мокнуть под дождем, стынуть на ветру, выслушивать нагоняи в школе и дома за пропущенные уроки, мог без конца бродить по полям и лесам, забывая и пить и есть, забывая все на свете.

Наконец, появились мои первые трофеи. Это были голуби-клинтухи и горлицы. Потом в ягдташ стали попадать мелкие кулики, которых я подстораживал на песчаных днепровских косах, иногда удавалось подползти на выстрел к отдыхающим на каком-нибудь озере уткам. Долго мне не давались зайцы-русаки, хотя для Смоленска это был самый массовый охотничий объект. В то время большим откровением для меня был рассказ М. Богданова «На косых». Именно этот рассказ послужил теоретическим руководством по троплению русака, но перенести его на практику в заснеженные поля оказалось непросто. Я хорошо изучил заячьи следы, знал, как запутывает их русак, научился разбираться в двойках и сметках, но, к моему сожалению, зайцу удавалось подняться с лежки вне выстрела или выстрел звучал для него как приветственный салют.

Прошло более шестидесяти лет с тех пор, как я добыл своего первого зайца-русак, но обстановку того дня я и теперь помню до мельчайших подробностей.

Было пасмурное бесцветное утро первозимья, когда из-за мягкости освещения и полного отсутствия теней бывает трудно определить, что далеко, а что близко. На пологих холмах подгородных полей то там, то здесь чернели крытые соломой избы хуторов, еще не сдвинутые коллективизацией в деревенские улицы. Унылый ландшафт разнообразили только овраги, заросшие кустарником, да горбатые спины отдельных холмов, с которых ветер смел белые покрывала, обнажив на одних рыжие гряды зяби, на других — изумрудную зелень озимых. Поля вдоль и поперек были прочерчены полосками межей, поросших бурьяном, в котором так любят устраиваться на дневку русаки. И вот в такой, казалось бы, ничем не примечательный день заячий след подвел меня к межевому столбику, под которым я еще издали заметил бурую полоску русачьей спины. Если бы этот русак соскочил с лежки раньше моего выстрела, то, наверное, в моей памяти не сохранились бы ни заснеженные холмы, ни пастельные тона того далекого дня.

Сложилось так, что в юности моими спутниками на охоте были люди старше меня по возрасту. Среди них я в первую очередь должен назвать своего дядю и его приятелей. Это были типичные охотники — любители старого закала, придерживающиеся строгих правил охоты и своеобразной охотничьей этики. Мои первые трофеи, которыми

Во времена изучения енота-полоскуна

были чибисы и голуби, они не признавали за дичь, к настоящей же дичи относились очень бережно, можно сказать, даже с уважением. Например, если в сезон осенней охоты, а она открывалась тогда 1 августа, собаки находили запоздалый выводок тетеревов, в котором птицы были еще мелкие, они отводили собак и оставляли выводок без внимания; никогда не позволяли себе выбивать выводок полностью, считая, что при старке обязательно нужно оставлять хотя бы двух молодых. Под их руководством я впервые побывал на тяге вальдшнепов, тетеревиных токах, утиных перелетах, освоил охоту с легавой на боровую дичь и серых куропаток, которые в изобилии обитали под Смоленском. Тогда же меня научили отличать бекаса от дупеля, чирка-свистунка от трескунка, самца серой куропатки от самки и другим мелким признакам и приметам, которые особенно любят охотники-любители. Я бесконечно благодарен старшим товарищам за первые охотничьи наставления, хотя многие из них в те годы, по молодости, считал слишком аристократическими и относил к пережиткам старого.

Более практические охотничьи навыки я приобретал, общаясь с деревенскими охотниками. Деревня всегда привлекала меня своей спокойной размеренной жизнью. Сельские жители были ближе к природе и лучше понимали ее, чем горожане. Охотников среди смоленских крестьян было много: в небогатых хозяйствах охота была подспорьем. Для семьи, не считаясь со сроками, крестьяне добывали зайцев и боровую птицу, собирали утиные яйца, а зимой, когда заканчивались все по-

левые работы, в окрестных угодьях расставляли силки на зайцев и куропаток, примитивными ловушками ловили хорьков и горностаев. Кабана в средней России тогда не было, последние лоси были истреблены в начале 20-х годов.

Некоторые сельские охотники специализировались на добыче крота, заготовки которого в стране в те годы только-только начинались.

Помню одного смоленского охотника, настоящего промысловика, который добывал в основном норку. С осени до весны он разъезжал по лесным речкам обширного Западного края, от Пскова до Брянска, и промысел его был очень успешным. Перебирая шкурки добытых им зверьков, я по-мальчишески искренне ему завидовал: только подумать — всю жизнь на охоте! Мечталось скорее стать самостоятельным, поселиться где-нибудь в сибирской тайге и жить охотой.

Многое я перенял у деревенских охотников. Научился подманивать на пищик рябчиков, управлять лодкой в тростниковых зарослях во время утиных охот, ставить шалаши на тетеревином току, ночевать у костра, владеть топором, ходить в лаптях и другим простым, но ценным для охотника навыкам.

В середине 30-х годов я узнал о существовании охотоведческого отделения при Пушно-меховом институте под Москвой и попасть в этот институт стало целью моей жизни. Я готовил себя к специальности охотоведа. Теоретические знания пополнял из книг Аксакова, Бутурлина, Зворыкина, Каверзнева, Рахманина, Генерозова, Формозова, которые стали для меня настольны-

ми. Практические навыки получал, общаясь с сельскими охотниками.

К поступлению в институт я уже довольно хорошо знал по виду и образу жизни большинство охотничье-промысловых зверей и птиц; знал, где их можно найти, каким способом добыть; умел правильно поставить капкан, снять и оправить шкурку зверя.

После окончания института отношение к охоте у меня несколько изменилось. Мне редко приходилось, как в прежние годы, охотиться для своего удовольствия. Этим я занимался попутно с выполнением той или иной тематики, по которой работал. Иногда тематика полностью сочеталась с охотой. Так я отстреливал с лайкой белок в Белоруссии и ряде областей средней полосы в местах акклиматизации белки-телеутки, чтобы доказать несостоятельность этого мероприятия; отстреливал зайца-русака в Прибалтике для взятия проб волоса в интересах фетровой промышленности; ежомесечно в течение года отлавливал капканами енота-полоскуна для изучения хода линьки этого нового для страны вида. Конечно, во время многочисленных поездок на европейский Север, в Предкавказье и Закавказье, в Казахстан и Среднюю Азию, на Алтай и Дальний Восток я находил время знакомиться с местной фауной и местными способами охоты.

Бывало, я чувствовал себя охотником-промысловиком, когда приходилось изо дня в день, невзирая на погоду, обходить линию капканов, проверять и переставлять их, таская за плечами отловленных зверей, а вечером снимать шкурки, вскрывать тушки, обмерять, взвешивать и обрабатывать внутренние органы. Это было, когда изучал биологию енота-полоскуна, в Закатало-Нухинской долине Азербайджана, в настоящем охотничьем эльдорадо. Там в мои капканы постоянно попадали кроме енотов барсуки, лесные и камышовые кошки, шакалы, зайцы, куницы-белодушки и изредка — фазаны.

Иногда охота для меня становилась средством существования. В низовьях р. Урал, где я работал в голодные послевоенные годы, важным подспорьем весной и летом были утки, а осенью и зимой зайцы-русаки. В такие же голодные годы в Закавказье я существовал за счет мяса барсуков и других зверей, попадавших в капканы. Да и в более позднее время, когда в городе с продовольствием уже не было больших проблем, в глухих отдаленных районах приходилось подкармливаться, а то и кормиться охотой. Как-то мы с товарищем во время обследования угодий безлюдной части Онежского полуострова вынуждены были довольствоваться только боровой птицей. Позднее по полевым дневникам подсчитали, и оказалось, что за месяц мы вдвоем съели 25 глухарей, да еще какое-то количество рябчиков.

Когда попадаешь в ситуацию, при которой охота становится обязан-

ностью, понимаешь, что охотничий промысел — не романтика, а тяжелый и не всегда благодарный труд.

За годы моей жизни многое изменилось в отношении к любительской охоте. Появилось много охотников или, вернее, молодых людей, взявших в руки ружья, которые смотрят на охоту своеобразно и слишком практично. Бытовать ранее понятие, что охота дарит людям ни с чем не сравнимую радость общения с природой, отошло в область преданий. Групповые выезды на охоту стали поводом для веселого времяпровождения на лоне природы и обязательно с обильным возлиянием безо всяких условностей. С такой охоты привозится домой трофей в виде куска мяса, причем считается, что чем больше весит такой трофей, тем привлекательнее охота.

Новосибирские любители утиной охоты приспособились делать так называемые «сутунки»: в потрошеную утку закладывают мясо, ободранное с 3—4 других уток. С гордым видом они рассказывают, что таким образом им удастся вывезти из хозяйства, где существует норма отстрела, втрое больше трофеев. О какой тут можно говорить романтике, о каком «общении с природой»?!

Конечно, не все так потребительски смотрят на охоту, но, к сожалению, таких любителей много.

Я никак не могу понять охотников, находящихся удовольствие в стрельбе молодых уток в хозяйствах, где этих птиц в течение лета разводят на специальных прудах и к открытию охоты выпускают в угодья. По-моему, это не охота, а самообман, иллюзия охоты. Одно сознание того, что дичь выращена специально на убой, снимает все охотничьи эмоции.

Охотников, так же как и рыболовов, всегда считали хвастунами. Да и что тут возразишь — любят охотники прихвастнуть и ружьями, и собаками, и невероятными успехами на охоте. Один рассказывает, как за охоту убивал двести сотен уток, другой, не сходя с номера, заваливал по три-четыре кабана, третий какую-нибудь ссадину на лице объяснял поединком с медведем. Такое бахвальство смешно, но оно не приносит никому вреда, кроме разве что самого автора подобных анекдотов. Другое дело хвалиться рекордными охотничьими трофеями. Выглядит это примерно так: «Вот какой был редкий и красивый зверь, а убил его Я!» Узаконенная погоня за выдающимися трофеями, за лучшими рогами, наиболее крупными клыками или редким по размеру черепом, на мой взгляд, преступление. Это ведет к измельчанию особой вида, к деградации популяции наиболее редких и ценных животных, и примеры тому известны. Ни один даже малокультурный скотовод не стал бы из своего стада выбирать на убой лучших животных и оставлять на племя тех, что похуже. Почему же на такой путь встало наше охотничье хозяйство? Непонятны мне некоторые правила

У следов тигра

охоты, допускающие, а иногда даже стимулирующие браконьерство. Например, охота с нормными собаками. Надо ли удивляться, что из года в год в средней полосе, да и в других районах России, меньше становится барсука, если теперь уже трудно увидеть убежища этого зверя без следов раскопки. Рытье «колодцев» над норой, в которую запущена собака, а тем более «вынужденная» помощь четвероногому другу или его «спасение» нередко приводят к полному нарушению убежища.

Непонятно, почему до сих пор узаконены натавка легавых собак и нахождение их в угодьях в период гнездования дичи и птиц вообще. Известно, что фактор беспокойства во время размножения приносит ощутимый вред всему живому, способствует опустошению охотничьих угодий, площади которых и без того сокращаются.

Многие традиционные правила охоты, которые сложились при иных условиях более ста лет назад, давно пора менять в связи с урбанизацией огромных пространств страны. Оскудение охотничьих угодий всем известно, но отказываться от привычных развлечений, насколько умерить охотничьи страсти ой как не хочется! Проще закрыть на все глаза и успокоить себя старой поговоркой «На наш век хватит».

С годами моя страсть к охоте начала терять свою остроту, перестала волновать удачные выстрелы, рядовые трофеи. Возможно, что причина тому большее число дней, проведенных в угодьях, при которых праздничность охоты постепенно сменяется обыденностью. В памяти больше впечатлений стала оставлять не стрельба и трофеи, а та обстановка, в которой протекает охота.

Восходы и закаты, зимние солнечные дни с мягкой порошей, картины весеннего пробуждения природы и ее увядание в тихие осенние дни я стал ценить больше, чем охотничьи успехи. Больше, чем охота, стала интересовать жизнь диких животных «за сценой», за кулисами охоты. Хотелось видеть зверя и птицу не в короткий миг между вспугиванием и выстрелом, а в их спокойной интимной жизни, обычно скрытой от глаз охотника. Такое увлечение заставило меня чаще и чаще сворачивать с охотничьей тропы на тропу биолога-натуралиста, умерять охотничью страсть ради какого-нибудь интересного наблюдения.

Я понял, что лайка, с которой я охотился, рыская где-то впереди, видела больше, чем я. Пришлось с ней расстаться. В лесу без собаки оказалось больше жизни: я стал замечать многое, чего раньше не видел. Постепенно привык ходить по лесу бесшумно, не торопясь, никогда не пересекать открытую поляну, просеку или вырубку, предварительно не постояв на опушке. Научился определять в угодьях «ключевые» точки, то есть места, где задерживаются животные или по которым они передвигаются. В таких местах стал задерживаться и я, старался немного повременить, посидеть, послушать жизнь леса. И такое поведение скоро стало приносить свои плоды. Например, в Вологодских лесах, где я последние четверть века бываю ежегодно, я чаще, чем другие охотники, вижу крупного зверя — медведя, лося, кабана. Мне часто удается застать у норы играющих лисят или барсучат, подсмотреть за охотящейся выдрой или мышкующей лисицей, видеть, как бобр осматривает свое хозяйство, как кряква «сплавляет» по ручьям и речкам из лесных болот еще нелетных утят или как лось спасается в воде от гнуса.

Звери и птицы оставляют в угодьях массу следов своего пребывания. Я понял, что если следами называть не только отпечатки лап животных, а все признаки их жизнедеятельности и если изучать эти признаки, то не так уж трудно обнаружить зверя и птицу и без четвероногого помощника. Чтобы разобратся в следах, которые в угодьях встречаются буквально на каждом шагу, пришлось разработать своеобразную их систематику. Полезным оказалось коллекционирование гипсовых отпечатков лап животных, и специально «на охоту за следами» я выезжал в разные районы страны.

Особенно увлекательным оказалось зимнее тропление животных. Оно дает не только бесценный фактический материал о жизни изучаемого вида, но и показывает удивительную разумность индивидуального поведения той особи, с которой имеешь дело. Биологическая наука последних десятилетий убедительно доказывает, что любопытство, взаимопомощь, грусть, радость, любовь, преданность и другие чувства, которые приписывались только человеку, не чужды и диким животным. Мож-

но ли животных называть «братьями нашими меньшими», если все эти эмоции они испытывали еще за тысячи лет до появления на земле человека? Принимая это, начинаешь с большим уважением относиться к живым существам и невольно задумываешься о том, гуманна ли охота. Чем можно оправдать свой поступок, когда тобой ради удовольствия обрывается жизнь живого существа, уничтожается то, что сам ты восстановить не в силах?

Я полагаю, что в душе думающего охотника нередко происходит борение двух чувств: с одной стороны — страсть и азарт, с другой — жалость к загубленной жизни.

... В погожий весенний вечер охотник стоит на лесной опушке. Он любит окружающим пейзажем, меняющимися красками угасающего дня, и вдруг откуда-то из-за леса слышится долгожданное хорканье вальдшнепа, потом над еще голыми вершинами берез замелькала птица, вот она ближе и ближе... и наступает тот момент, ради которого охотник может пожертвовать всем. Учащенное биение сердца, лихорадочное нетерпение в ожидании выстрела... вскидка ружья... неслышный для тебя выстрел... падающая птица... Все происходит в считанные секунды. Добыча в руках охотника. Душевная вспышка, вызванная удачным выстрелом, гаснет быстро. Холодное тельце птицы размером в кулачок уже не вызывает никаких положительных эмоций. Невольно задумываешься: «Зачем?»

Я часто вспоминаю разговор И. С. Тургенева и Касьяна с Красивой Мечи из «Записок охотника»:

— Ну для чего ты, барин, пташку убил?

— Как для чего? Коростель — это дичь: его есть можно...

— Не для того ты убил его, барин: станешь ты его есть! Ты его для потехи своей убил».

Мне думается — не свои ли мысли вложил Тургенев в уста Касьяна?

Молодой человек в компании охотников не может признаться в том, что ему бывает жаль убитой птицы или зверя. Такое признание вызовет саркастические улыбки товарищей, он будет, как охотник, осмеян. Но мне, когда за спиной уже три четверти века, признаться в этом не стыдно. Если животное было убито без нужды, не как необходимый продукт питания или материал для научных исследований, мне бывает жаль, что природа лишилась частички того, что ее украшало.

Может быть, для охотника вся ценность общения с природой заключается в самом процессе охоты, а не в ее конечном результате?

В прошлую осень мне надо было добыть крупного глухаря-петуха для того, чтобы отпрепарировать его подязычный аппарат. Я долго не встречал подходящую птицу. Но вот как-то вечером, когда я возвращался с клюквенного болота и спускался по лесной просеке в широкий лог, эта встреча состоялась. Я не видел поднявшегося глухаря, но

Трофей охоты «в уэрку»

по шумному взлету понял, что это петух, который мне нужен. Он взлетел в ельнике слева в направлении лога и в момент, когда пересекал просеку, открылся для выстрела. Часто бывает так, что еще только спускаешь курок, а уже чувствуешь, что выстрел будет удачен. Так было и на этот раз. Я не видел падающего глухаря, но удар его о землю слышал хорошо. По дну лога едва струился пересыхающий ручеек, который представлял собой чуть заметную змейку, соединяющую цепочку маленьких бочажков. И надо же было так случиться, что, падая, глухарь попал именно в одну из этих ванн с кристальной чистой лесной влагой. В предсмертной агонии он так сильно бил крыльями, что брызги рассеивались широким веером.

Когда я извлек птицу из бочажка, вид у нее был такой, что у меня сразу пропал весь охотничий пыл, обычно сопутствующий удачному выстрелу. Вместо величественной птицы с отливающим изумрудом и бронзой пером я держал в руках какой-то бесформенный ворох мокрых перьев, в котором угасали последние искры жизни. Где красота и гордость этого мощного таежного отшельника? В какую жалкую кучу мокро-го пера превратил его мой выстрел!

Трофей не обрадовал меня и надо-лого испортил настроение. В оставшиеся до отъезда дни я ходил в лес без ружья. Я, конечно, отпрепарировал подязычный аппарат глухаря и опубликую статью о его строении в научном журнале, но смогу ли я еще когда-нибудь стрелять глухарей...

Фото автора

Янковский В. Новина: Рассказы и были. — Владимир: «Золотые Ворота», 1995. — 1000 экз. 84 с.

Достоинство рассказов этого сборника в их достоверности: все они на охотничью тему и написаны профессиональным наследственным звероловом. Автор рассказывает о семейных преданиях, когда дед его основал на Дальнем Востоке династию промышленных охотников Янковских, слава о которой распространилась по всему краю, включая Маньчжурию и Корею. Эту репутацию поддерживали его дети, а затем и внуки, к поколению которых относится писатель Валерий Янковский.

Охотоведение и природопользование. Тезисы докладов научно-производственной конференции, посвященной 30-летию юбилею начала подготовки биологов-охотоведов в г. Кирове 3—4 июля 1995 г. Министерство с/х и продовольствия РФ. Вятская гос. сельскохозяйственная академия. Киров: 1995. — 91 с.

Тезисы докладов размещены в трех разделах: «Вопросы охотоведения и природопользования», «Экономико-правовые вопросы ведения охотничьего хозяйства», «Биологические основы охотничьего хозяйства».

Энциклопедия охотника: в 7 т. Т. 1. — ТОО «Можайск-Терра», 1995. — 400 с. ил.

Первый том посвящен технической оснащению любительской и профессиональной охоты — лукам, ружьям, боеприпасам и «самоловам», то есть способам ловли и заготовки дичи без применения огнестрельного оружия. Некоторые из последних либо запрещены законодательством, либо неприемлемы по моральным соображениям, однако авторы фиксируют и эти негуманные способы охоты, отдавая дань своему замыслу — собрать воедино как можно больше сведений по теме издания. Читателям предлагается многотомный справочник, универсальность которого исключительно велика: каждый причастный к охоте человек найдет здесь ответы на любые вопросы, связанные с этим древнейшим занятием. Книга богато иллюстрирована, рассказана на массовую читательскую аудиторию.

Борейко В. Е. Популярный биографо-библиографический словарь-справочник деятелей заповедного дела и охраны природы Украины, царской России и СССР (1860—1960). Т. 1 (А—М). Киевский эколого-культурный центр, Киев; Центр охраны дикой природы, Москва. Серия: «История охраны природы». Вып. 4. 1995. 192 с.

Цель данной книги — рассказать о людях, занимавшихся заповедным делом и охраной природы на территории нынешней Украины, Российской империи, Советского Союза с 60-х годов 19 века по 60-е годы 20-го, дать биографию их работ по этой теме...

ИСТОРИЯ БОЛИ И ГЕРОИЗМА

В. БОРЕЙКО

*Скорбный список деятелей
охраны природы и заповедного дела СССР,
репрессированных в 20—50-е годы*

Василий Петрович НАЛИМОВ

Этнограф Василий Петрович Налимов занимал особое место в ряду российских деятелей охраны природы и заповедного дела 20-х гг. Будучи большим специалистом по быту и духовным воззрениям финно-угорских народов и одновременно тесно связанным с охраной природы, ученый близко подошел к идеям, более чем на полвека обогнавшим время. Он предлагал в природопользовании Сибири и Севера опираться на традиционный экологический опыт хозяйствования коренных народов, а не вносить что-либо иное, ставил вопрос о создании природно-этнографических заповедников. К сожалению, резко изменившаяся с 1929 г. политическая ситуация в СССР навсегда перечеркнула его планы и разработки, обещавшие дать на синтезе этнографии и сбережения природных ресурсов совершенно новое направление в охране природы.

Профессора Василия Петровича Налимова можно с успехом назвать основателем новой науки — этнографической экологии, школы, которая, так и не успев окрепнуть, была уничтожена.

Родился Василий Петрович Налимов в зырянской (коми) семье 20 марта 1879 г. в селе Вильгорт близ Усть-Сысольска (Сыктывкара). Отец его был колдун-знахарь, местный маг. Начальное образование будущий ученый получил в земском училище и в Московской фельдшерской школе.

Чтобы поступить в Московский университет, в 1905 г. сдал экзамены за полный курс классической гимназии. Естественное отделение физико-математического факультета этого университета он заканчивал в 1912 г. с дипломом I степени по специальности «Антропология». Завершением его образования руководил известнейший в России этнограф (кстати, написавший одну из первых в стране книг по охране памятников природы), академик Д. Н. Анучин.

Продолжение. Начало в № 1, 4, 6, 7, 9, 1995.

Первую свою этнографическую работу В. П. Налимов опубликовал в 1903 г. и вскоре стал известным ученым. В 1907 г. Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии присудило Василию Петровичу большую серебряную медаль за интересные работы по антропологии и этнографии зырян. В отличие от других исследователей Налимов знал великолепно свой народ, его язык, обычаи и мог проникнуть в самые потаенные уголки его психологии и мироощущения.

Уже в первых своих трудах исследователь обратил внимание на экологическую этику коми: «... женщина, позволившая ударить лучиной кошку, собаку, ткнуть их ногой, перед родами должна просить у обиженного животного прощения на коленях, со слезами на глазах, называя их нежными именами».

«Человек, по верованиям зырян, не занимает исключительного положения в природе. Не он один имеет «лов», жизнь, душу, ее имеют животные и растения... Не через молитву и церковь оздоравливается и очищается человек, а непосредственно через природу. Через растения, реже через животных зыряне избавляются от разных болезней. Человек, который проходит мимо многих деревьев и ручьев, очищается. Свойством очищать обладают деревья и текущая вода... Ссоры, дрязги, по мнению пермяков, влияют на вырождение всей природы».

В отношении к язычеству В. П. Налимов опередил время. В наши дни его понимание язычества нашло новое, экологическое звучание, особую экологическую философию, в которой так нуждается мир. Недаром ученый всегда категорически выступал против примитивного рассматривания народного мировоззрения, полагая, что за «простотой и наивностью» выражения можно увидеть глубину понимания, исконно присущую человеку».

С 1914 по 1918 г. ученый преподавал в частном реальном училище в Нижнем Новгороде. В 1916 г. выдерживает экзамены в Казанском университете и

становится приват-доцентом. С 1918 по 1922 г. он — профессор Нижегородского университета на кафедре географии и антропологии.

В своих суждениях и поступках Василий Петрович всегда отличался независимостью и смелостью. Его сын, В. В. Налимов, рассказал любопытный случай: «1917 год. Собрание интеллигенции Нижнего Новгорода. Обсуждается ситуация с русско-немецкой войной. Предлагается послать Керенскому телеграмму: «Война до победного конца! Единогласно». Отец встает и говорит, что он против. Шум, крики: «Предатель! Изменник!» Отец отвечает: «Я как этнограф бывал в госпиталях (где моя мать работала как врач-хирург) и разговаривал с ранеными — они не хотят войны, не могут больше воевать. Вы роете себе могилу, останьтесь, пока не поздно». Представьте себе, что было после этого в небольшом городе, где вся интеллигенция была на виду.

В 1922 г. ученый с семьей переехал в Москву и стал профессором земледелия во втором МГУ.

Кроме научной и преподавательской работы он начал выполнять задания различных наркоматов, связанных с малыми народами. В середине 20-х гг. на этой почве у В. П. Налимова произошла острая стычка со Сталиным, возглавлявшим Наркомат по делам национальностей. Правда, тогда без видимых последствий.

В 20-х гг. ученый организовал немало этнографических экспедиций: в Большеземельную тундру к самоедам, в Зырянский край, в Вятскую область, в Казахстан, Лопарско-Мурманский край, Печорский край, Приуралье и Поволжье. Он стал активистом различных этнографических обществ, членом Комитета содействия народностям Севера при ВЦИКе.

С 1928 г. Василия Петровича привлекали к работе во Всероссийском обществе охраны природы, он сотрудничал с журналом «Охрана природы». В этом издании он успел опубликовать всего две статьи. В работе «К вопросу

Е. И. СТРАУТМАН

о сотрудничестве полярных народов в научной работе и, в частности, в области охраны природы» ученый поднял вопрос об использовании полярной культуры малых народов Севера как наиболее экологической в данном регионе.

Наиболее интересную его статью «Священные рощи удмуртов и мари» можно считать своеобразным экологическим завещанием ученого. Рассказав о целях заповедания язычниками мари священных рощ, где «творческая сила спасается от преследующей грязи, нечистоты» и вокруг которых «объединяются целые роды», В. П. Налимов призвал выявлять и заповедовать языческие «священные» рощи, являвшиеся не только памятниками природы, но и имевшими историко-культурное значение. По сути, речь шла о новой заповедной категории — природно-этнографических заповедниках.

Однако начавшаяся в конце 20-х — начале 30-х гг. критика ВООП и его журнала не позволила ученому продолжать изложение своих оригинальных взглядов.

В начале 1932 г. Василий Петрович был арестован, ему приписали роль руководителя финно-угорских националистов. Однако благодаря вмешательству председателя Комитета по заповедникам при ВЦИКе и Комитета содействия народностям Севера при ВЦИКе, большевика дореволюционной закваски П. Г. Сидовича ученого удалось спасти. Сидович не только ходатайствовал перед кем надо, но и дал в распоряжение семьи Налимова, для оперативности действия, свой личный автомобиль.

27 августа 1938 г. профессор В. П. Налимов был арестован вторично, опять по тому же обвинению. Он был препровожден в Сыктывкар для встречи с «участниками» его «контрреволюционной националистической организации». Его обвинили не только в желании отдать Коми-край Финляндии, но и многие его этнографические работы квалифицировали как вредительские. Ученый отбивался как мог: «Свидетель Б., а может, и другие считают меня контрреволюционером по двум причинам: первая — это то, что я состоял членом «Общества изучения Коми-края», и второе — что я участвовал в журнале «Коми-му». Поясняю: в «Обществе изучения Коми-края» я прочел один доклад о своей поездке в Большеземельную тундру, который ничего контрреволюционного в себе не содержал. Мои статьи в «Коми-му» АН признаны научно-ценными трудами» (Из протокола допроса 29.09.1939 г.). Стойкость арестованного ученого смутила чекистов. 5 ноября 1939 г. ОСО НКВД СССР поручило НКВД КомиАССР провести дополнительное расследование. Однако 28 декабря 1939 г. больное сердцем профессор Василий Петрович Налимов скончался в тюрьме г. Сыктывкара.

15 июня 1955 г. ученый реабилитирован за отсутствием состава преступления.

16 мая 1995 г. в г. Алма-Ата скончался известный казахстанский зоолог и охотовед, старейший научный сотрудник Института зоологии Национальной Академии наук, кандидат биологических наук Евгений Иоганович Страутман.

Е. И. Страутман родился 19 декабря 1913 г. в Челябинске. В Семипалатинске, куда вскоре переехала его семья, он окончил школу. С детских лет Евгений Иоганович полюбил природу. За жизнью зверей и птиц он наблюдал не только в окрестностях Семипалатинска, но и во время экскурсий в пойму Иртыша и ленточные боры Прииртышья. Эта страсть к изучению животного мира и привела его в Томский университет, куда он поступил в 1935 г. В этом старейшем сибирском учебном заведении, где еще были живы традиции таких выдающихся ученых, как зоологи Н. Ф. Кащенко, М. Д. Рузский, В. А. Халлов и ботаник В. В. Сапожников, Евгений Иоганович проходит серьезную зоологическую школу. Немаловажным в его судьбе было и то, что в эти годы на биофаке читал курс охотоведения известный зоолог и охотовед А. И. Янушевич. Получив в университете, с одной стороны, хорошую основу общебиологических знаний, а с другой — основательно проштудировав основы охотоведения, Евгений Иоганович становится широко образованным зоологом и охотоведом, что впоследствии сказалось на всей его трудовой деятельности.

В 1940—1943 гг. Е. И. Страутман работает охотоведом Лосиноборской ПОХ в Красноярском крае. Но идет война, и Евгений Иоганович добывается отправки на передовую и до конца войны находится в рядах Советской Армии, проходит трудными фронтовыми дорогами от Ленинграда до Германии. В но-

ябре 1945 г. он демобилизовался и приехал в Алма-Ату. С этого времени вся трудовая деятельность Евгения Иогановича связана с Институтом зоологии НАН Республики Казахстан, где он прошел путь от младшего научного сотрудника до заместителя директора института по науке.

С первых дней работы в Институте зоологии Е. И. Страутман активно изучает биологию важнейших охотничье-промысловых животных, в том числе ондатры. В 1946—1959 гг. с целью изучения биологии и экологии ондатры и результатов ее акклиматизации Евгений Иоганович обследует Сыр-Дарью, Чу, Или, Аксу, Лепсы, Черный Иртыш, озера Зайсан, Алаколь и Сасыколь, водоемы Северного и Западного Казахстана. Результат этой огромной работы — серия статей и интересная монография «Ондатра в Казахстане» (1963), которая поставила ее автора в ряд ведущих специалистов, занимающихся изучением этого грызуна.

Изучение в 1947—1949 гг. фауны млекопитающих Южного Алтая завершилось в 1950 г. защитой кандидатской диссертации и описанием нового для науки вида — алтайской серой мышовки, которую в последнее время стали называть мышовкой Страутмана (Соколов и др., 1980; Павлинов, Россолово, 1987). Отличный полёвик, Е. И. Страутман вплоть до 80-х годов участвовал в многочисленных научных экспедициях. Собранный материал, а также огромная эрудиция Страутмана позволили ему участвовать в написании таких капитальных монографий, как «Звери Казахстана» (1953) и «Млекопитающие Казахстана» (1969—1985). Особенно много сил и энергии отдал Евгений Иоганович последнему многолетнему изданию, став его редактором после смерти А. А. Слудского.

Существенный вклад внес Е. И. Страутман в разработку биологических основ рационального использования и акклиматизации важнейших охотничье-промысловых животных и охраны природы.

Много внимания Евгений Иоганович уделял подготовке научных кадров. Им опубликовано около 100 научных работ.

Евгений Иоганович всегда с большим вниманием относился к окружающим его людям. Обладая энциклопедическими знаниями, он с завидной щедростью делился с товарищами своими мыслями, идеями и богатым опытом ученого и натуралиста. В течение многих лет Е. И. Страутман был членом советов и комиссий различных государственных и общественных организаций.

Светлая память о Евгении Иогановиче Страутмане всегда будет жить в наших сердцах.

РУССКАЯ ГОНЧАЯ. ПОДВЕДЕНИЕ ИТОГОВ

Не могу не сказать о том огромном удовольствии, которое доставляет мне возможность представить читателям журнала книгу нашего ведущего эксперта по гончим Р. И. Шияна*. И дело здесь даже не в том, что для меня, любителя охоты с гончими, это, что называется, родная литература. Рассматривать эту книгу только под таким углом — это значит ничего о ней не сказать. И не потому, что у нас впервые за всю историю существования породы русская гончая появляется книга, посвященная целиком только ей одной. Главное все же, что за более чем столетний период ее становления мы наконец-то можем говорить о зрелости породы русская гончая. Да, именно так! Не мифические тысячелетия, не легендарные столетия, а наша современность. На памяти наших дедов и отцов и на наших глазах была создана эта порода. И книга Р. Шияна, не только зрителя, но и одного из самых активных участников этого процесса, тому подтверждение. По глубине осмысления автором истории русской гончей, по широте охвата материала, по верности оценки современного состояния и постановки насущнейших задач в деле дальнейшего совершенствования породы книга «Русская гончая» не знает равных в литературе о гончих за последние 50—60 лет. И я нисколько не погрешу против истины, если назову эту книгу классической, поставив ее сразу вслед за книгами Н. П. Кишенского и Н. П. Пахомова.

Но прежде чем перейти к разбору содержания самой книги, мне хотелось бы сказать о ней в целом. Несомненно, что любая книга ценна прежде всего той информацией, которую она в себе несет. Но при всем этом хотелось бы, конечно, чтобы эта информация была

доботно упакована. Увы, в данном случае об этом говорить не приходится. Я никоим образом не хочу, чтобы эти мои слова были восприняты как упрек издателям. Наоборот, низкий поклон им, что сумели издать такую книгу. Но, говоря о ней, необходимо отметить и эту ее сторону.

Несмотря на то что в выходных данных значатся и корректор, и технический редактор, книга не проходила ни корректуры, ни технической редакции. Весь ее текст изобилует опечатками, описками, ошибками, порой просто досадными. О всех них говорить невозможно, так как они встречаются практически на каждой странице. Верстка же текста в книге, даже и для человека, ничего не понимающего в издательском деле, покажется, мягко говоря, весьма неудачной. Не знаю, для чего поместили в выходных данных фамилии корректора и техреда (видимо, чтобы читатели знали, кому они должны быть обязаны за столь плохую работу), но было бы лучше, если бы этих данных не было. Так было бы честнее по отношению к нам, читателям этой книги.

Такие же претензии и к иллюстративному материалу. Рисунки в книге просто вне всякой критики и по ним очень трудно составить свое представление о породе и ее эволюции. Хотя в данном случае бессмысленно упрекать за это издателей, так как ни бумага, ни полиграфическая база не позволяют сделать их более качественными. Нам остается только надеяться, что когда-нибудь будет выпущен хороший альбом, посвященный русской гончей, об издании которого мечтал еще Пахомов. Однако закончат неприятной необходимостью отметить эти стороны книги и перейду к разбору самого текста.

Нельзя сказать, что гончие обойдены вниманием в охотничьей литературе. Только в последние годы вышли две

монографии о гончих: Б. В. Дмитриева и Б. И. Маркова, переиздан классический труд Л. П. Сабанеева «Борзые и гончие». Общее же число отдельных изданий по гончим приближается к двум десяткам. Однако большинство этих изданий представляют собой просто пособия для начинающих гончатников. Немного рассказывается об истории гончих, немного об отечественных породах, их экстерьере и полевом догуге, немного об использовании гончих на охоте, немного о выставках и полевых испытаниях. К тому же все авторы в основе своей опираются на классическую литературу о гончих, то есть на труды Кишенского и Пахомова. При этом они даже не подвергают классику переосмыслению и критической оценке, воспринимая ее как святоотеческое откровение, которое пребывает вне всякой критики. В этом отношении книга Р. Шияна заметно от них отличается. В ней автор подверг критическому переосмыслению всю историю становления породы русская гончая, при этом не побоявшись оспорить классиков. На мой взгляд, он очень убедительно доказал, что началом стандартизированной породы русская гончая следует считать не 1895 г., как считалось до сих пор с легкой руки Пахомова, а только 1925 г. Сама же порода, по мнению автора, еще очень молода и представляет собой «продукт незавершенного труда». И хотя уже можно говорить, что она ушла от примитивной восточной гончей, но все же по-настоящему еще не стала в полной мере культурной русской, «характеризующейся многолетней углубленной зоотехнической работой, общим совершенством, высокой степенью проявления своих рабочих качеств и устойчивой передачей их уровня потомкам».

На богатом документальном материале автор показал, как происходило это становление. На первом этапе, в

* Р. И. Шиян. Русская гончая. М., 1995. — 168 с. 3000 экз.

дореволюционный период, с первых выставок Императорского Общества Охоты (1874) и с появления первых описаний пород гончих Кишенского (1881), и в довоенный период, с появления стандарта 1925 г., основное внимание было уделено выработке экстерьера русской гончей. Этот период закончился в 1939 г., когда на 2-м кинологическом съезде был принят стандарт, окончательно определивший породные характеристики русской гончей, остающиеся практически неизменными до настоящего времени. Также этот съезд оказал благотворное влияние на становление породы тем, что запретил все породы гончих, стандартизованных в 1925 г., кроме русской и англо-русской. Только эта мера и позволила жестко вытеснить из породного разведения всю мешанину.

На втором этапе, начавшемся после войны и длящемся до сих пор, наконец-то должное внимание было обращено и на полевую досуг гончей. И хотя уже в 20-е гг. были определены основные требования к полевому досугу гончей и выработаны правила полевых испытаний, тогда они не играли большой роли в породном разведении. Только с 1953 г., с введением бонитировки, на полевой досуг гончей было обращено должное внимание. И наряду с совершенствованием экстерьерного уровня породы началось совершенствование ее рабочих качеств. «Создание правил полевых испытаний как полевого стандарта подружейной гончей, указывающего эталонный уровень каждого из этих качеств, а также объектов и условий для их выявления, — как справедливо замечает автор, — было трудной и сложной задачей». Основная работа развернулась здесь именно в послевоенные годы и протекает до сих пор. Достаточно указать на последнее изменение в правилах полевых испытаний, последовавшее в 1995 году, — увеличение минимума времени работы собаки на дипломы II и III степени до 60 минут. По сути, только сейчас мы разобрались наконец-то и с полевой досугом гончей. Поэтому, хотя автор и оговаривает, что сам еще не уверен в том, является ли русская гончая в полном смысле заводской породой, однако, на мой взгляд, главное уже сделано и становление нашего понятия о породе и ее охотничьих качествах окончательно выработалось. Именно поэтому в самом начале я и сказал, что только сейчас мы и можем говорить о зрелости породы русская гончая. И книга Р. Шияна, появление которой далеко не случайно, является закономерным отражением итогов этого процесса. Поэтому наибольший интерес в книге представляет анализ автором результатов работы с породой русская гончая в последние 40—50 лет, то есть в период, когда и была проделана вся основная работа по становлению в нашей стране породной рабочей собаки. Анализ этот, на мой взгляд, проделан блестяще. Мы ясно видим, чем сейчас является русская гончая и что нам необходимо де-

лать с ней дальше. И это главное, что отличает книгу Шияна от других книг о гончих. Я думаю, что если в настоящее время эта книга станет настольной у каждого серьезного любителя этой породы, то в будущем она будет служить ценнейшим источником по истории русской гончей в XX в.

Заканчивает свои размышления о русской гончей автор двумя небольшими главами: «Нагонка гончих» и «С гончими на зайцев и лисиц». Этим вопросам в литературе о гончих уделено много внимания, поэтому автор не стал повторять прописных истин, а очень точно и коротко дал свое понимание сути того, что является правильной нагонкой и что такое правильная охота с подружейной гончей. Не могу не согласиться здесь с мнением автора о вредности многопрофильности для русской гончей. А то стало чуть ли не хорошим тоном в каждом пособии по охоте с отечественными породами гончих говорить об их универсальности и описывать охоту на всех животных, какие только водятся в наших лесах и полях. Собака эта все же специализированная и использовать ее по другим объектам охоты нецелесообразно и безусловно вредит породе.

Теперь, прежде чем перейти к замеченным мною неточностям, хотелось бы сказать вот о чем. Все современные авторы, касаясь истории русской охоты, делают общую ошибку. Они распространяют современные понятия и термины на предшествующие столетия, когда этих понятий и терминов-то и вовсе не было. Характерна эта ошибка и для авторов прошлого века. Отсюда и вытекают те мифические тысячелетия русской псовой охоты и соответственно русских борзых и гончих, о которых так все любят писать. Между тем гончих в Древней Руси не было вовсе. А что же было? — спросит шокированный этим утверждением читатель. Отвечу: «Псы, собаки, но не гончие». Попробую это доказать. Впервые термин «гончая» в документальных источниках встречается в Грамоте Царя Михаила Федоровича, посланной в 1619 г. Галицкому губному старосте П. Перелешину с приказом отбирать на Царскую псарню собак: борзых, гончих и меделянских. Очень жаль, что Р. Шиян, правильно указав на самое первое упоминание в русском языке слова «гончая», не счел нужным отметить год этой грамоты и проанализировать значение этого факта. Между тем значение его огромно. Учитывая скорость попадания нового понятия в документ, можно сделать вывод, что во второй половине XVI в. во времена Иоанна Грозного, на Руси впервые стали различать из безликой массы псов отдельные породные группы, борзых и гончих. Различие это начало проявляться еще при отце Иоанна Грозного, Василии III, но оно, по всей видимости, не было еще столь разительно, чтобы появились термины, обозначающие его. Косвенно это подтверждает описание псовой охоты Василия III, сделанное С. Гер-

берштейном в его «Записках о Московии»*. Он описывает два типа собак Великого Князя. Первый тип собак, «Canes molossos et odoriferos», которых переводчик** записок Герберштейна обозначил как «больших меделянских собак», и второй, «Kurtzi», которым он не рискнул дать русский аналог. Все отечественные авторы видят в них борзых. Но Герберштейн был достаточно опытным дипломатом и бывал почти при всех Европейских Дворах, поэтому имел понятие о борзых и гончих, и если бы эти собаки, по его мнению, хотя бы отдаленно были похожи на борзых, то ничто и не мешало ему назвать их борзыми, так как и на латыни, и на немецком к тому времени термин «борзая» уже был известен, так же как и «гончая». Это было бы и более понятно для западного читателя, для которого Герберштейн, собственно, и писал свои записки. К тому же Герберштейн знал русский и, как он сам заметил в своих записках, «...в описании России я не без основания употреблял русские слова в названии предметов, мест и рек». Но русских названий пород собак Великого Князя он не привел. Это также свидетельствует, что эти породы названий на русском еще не имели, а внешний их вид не подходил под западные понятия о гончих и борзых. К сожалению, нам недоступен подлинный текст записок, по которому можно было бы проверить приведенные Герберштейном термины. Но слова «Kurtzi» нет ни в латинском, ни в немецком языке. С более-менее большей долей уверенности можно предположить, что это либо «Curtus», либо «Kurzi», что соответственно на латинском и немецком означает одно и то же — короткий, укороченный. Но это также не свидетельствует в пользу того, что перед нами подлинно борзые***. Туманно и понятие «odoriferos» (правильнее по-латыни «odorifer»), так как означает не собаку, работающую по запаху («odoriseguns»), что, видимо, и имел в виду автор, а наоборот. Дословно — пахущая собака. Видеть в них гончих все же слишком смело, и переводчик тут был ближе к истине, назвав их меделянскими. Еще больше сомнений вызывает приводимый всеми авторами факт подарка в 1519 г. датским королем Христианом II французскому королю Франциску I борзых собак русской породы, якобы вывезенных из Московского государства. Я не случайно поставил слово «якобы». Опять же отсутствие возможности проверить этот факт по подлиннику не позволяет нам сделать однозначный вывод. Но сомнение в его правильности — вот в чем. В XIV — XVI вв. в Западной Европе Россия

* Был в России два раза в 1517 и 1526 гг.

** И. Анонимов, изд. Спб., 1866.

*** Правда, возможно увидеть в термине искаженное польское «харт» («chart»), т. е. борзая. Но тогда это свидетельствует, что собаки эти получены из Польши и не являются местными. А это также подтверждает мое предположение.

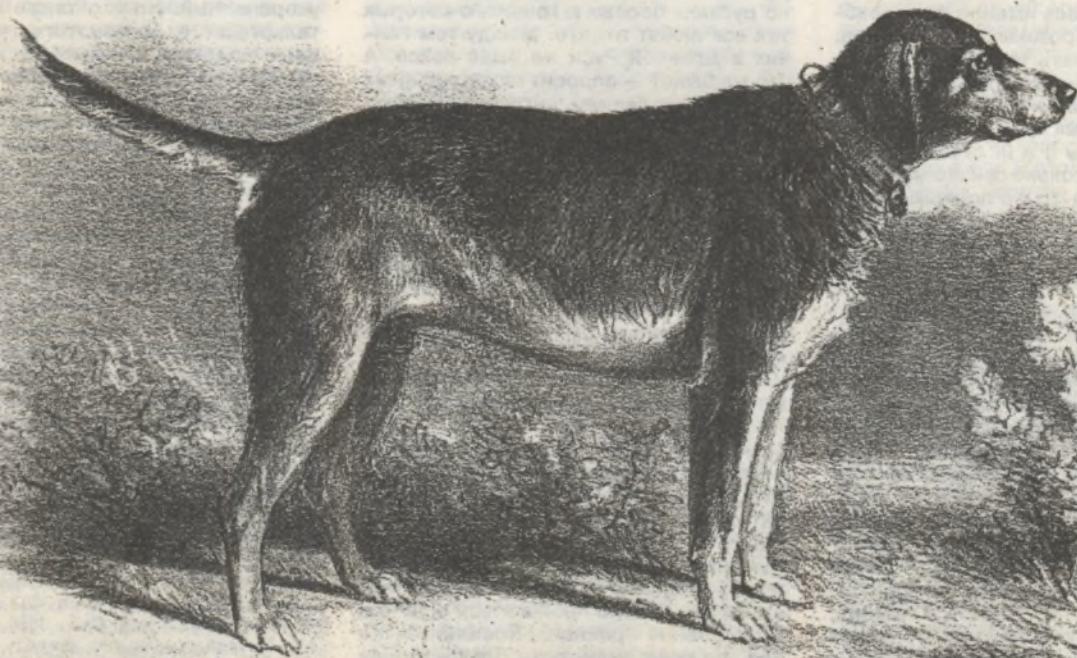
чаще называлась Московией, а ее население соответственно москвитями. Под Русью же понималась более обширная область, включающая кроме Московии еще Украину и Беларусь. В то время последние входили в состав Великого Княжества Литовского, позднее Речи Посполитой. Кстати, и москвиты называли эти земли Русью, а ее население «русскими». Поэтому, на мой взгляд, более вероятен вывоз борзых из этих земель. Тем более что последние имели гораздо больший контакт с Западом, чем Московия, долгое время пребывавшая в культурной изоляции от Европы.

В связи со всем вышесказанным отпадает и вопрос о том, что гончую мы получили от монголо-татар. Если бы мы получили от них готовую породу охотничьих собак, будь то гончая, борзая ли или что-то другое, то вместе с породой мы непременно получили бы и ее татарское название, что не замедлили бы отразить документальные источники. Как, например, это произошло с завезенными нам в XVI в. английскими купцами меделянами и британами. Однако ничего подобного ни в одном из документальных источников мы не встречаем. В то же время мы имеем множество примеров тому, как нечто новое, появившееся на Руси от татар, закрепляется в языке соответствующим понятием, происходящим от татарского корня, и точно фиксируется в документальном источнике. Классический пример: аргамак (порода дорогих азиатских лошадей) — слово, зафиксированное документом, датированным 1483 г.

Так что же за собаки были в Древней Руси? Для лучшего понимания позволю себе привести один пример. Из литературы XIX в. хорошо известна гаевая охота на кабанов на Северном Кавказе. При этой охоте использовались стаи собак, иногда именовавшихся гончими. На самом деле это был просто сброд дворовых собак. Для работы по кабану не требуется особых качеств, достаточно лишь наличие некоторой злобы к зверю. В то же время для собак, работающих в плавнях и зарослях кустарников, эта охота чрезвычайно опасна и процент гибели собак в ней очень высок. Поэтому настоящих кровных собак на таких охотах не использовали. Зато при станицах и хуторах на полувольном содержании всегда жило достаточное количество дворняг, из которых и набирались стаи для гаевых охот. За этими собаками никто не смотрел, вязались они сами по себе, охотниками же они ценились постольку-поскольку. Примерно так же выглядела охота на крупных животных и в Древней Руси. Тенета и перевесы, копыя, вилы и рогатины, луки и арбалеты только в XIX в. заменило огнестрельное оружие. Суть осталась та же. Какая здесь могла быть порода? Ее и не было. Это состояние и отразили все письменные источники.

Как только на Руси появилась письменность, мы почти сразу же и встречаем в документах слово «пес», но не более того. То, что хоть какой-то намек на породу мы встречаем только в документах XVI в., явление далеко не случайное. До этого собака на охоте играла далеко не главную роль, а лишь

вспомогательную. Сама по себе охотниками она не ценилась. Десятком больше, десятком меньше, те или другие — разницы не было никакой. Таких дворняг у каждой деревни было пруд пруди. А их охотничьи качества были вполне достаточны для того, чтобы помогать загонять зверей в тенета и перевесы. Если взглянуть на охоту и собак в Древней Руси с этой точки зрения, то тогда уже станет более понятным и не вызовет недоумения, почему в таком памятнике литературы Древней Руси, как знаменитое «Поучение» Владимира Мономаха, где достаточно места уделено охоте, ничего не говорится об охоте с собаками. А говорить-то, собственно, и нечего. Только с падением ловов (массовых способов добычи), в связи с уменьшением числа крупной дичи, постепенно начинает возрастать роль собаки на охоте. И этот процесс не замедлил отразиться в документальных источниках. В документах XV в. мы уже сталкиваемся со словосочетанием «псовая охота». А в Духовной Грамоте Князя Владимира Андреевича, помеченной 1410 г., мы впервые встречаемся со словом «псарь». Что это означает? А то, что примерно со второй половины XIV в. из массы безликих дворовых собак, живущих при каждом населенном пункте и охотившихся со всеми, кто в любой момент брал их на охоту, выделяются собаки владельческие, в первую очередь принадлежащие крупным вотчинникам, за которыми уже учреждается догляд, хотя и вряд ли полное содержание. Начинается первая дифференциация собак — выделение из них таких, которые на-

ГОЛОСЪ.

Лит. К. Эрголь, Москва.

иболее подходят для определенного вида охоты. В первой половине XVI в. мы уже можем говорить о некоторой специализации собак и о начале выделения породных групп, которое и завершилось во второй половине этого века, что и зафиксировала нам Грамота 1619 г. Поэтому появление гончих на Руси следует отнести лишь ко второй половине XVI в., а фактически же началом нужно считать все же XVII в.

Прежде чем сказать несколько слов о том, что представляли собой гончие XVII — XVIII вв., необходимо сделать одно замечание по труду Сабаньева «Борзые и гончие». Комментируя Грамоту Михаила Федоровича, Сабаньев писал, что псаря посланы в Северо-Восточные области Московского государства для взятия собак на Царскую псарню потому, что там были лучшие собаки. Типичный пример того, когда желаемое выдается за действительное. Сабаньев в своем письме исходил из того, что в XIX в. большую славу имели Костромские и Ярославские гончие, следовательно, и в XVII в. было то же самое. На самом деле псаря были посланы туда не потому, что там были лучшие собаки, а потому, что они там были. Чтобы это понять, необходимо коротко сказать о том, что представляло собой Московское государство в царствование Михаила Федоровича.

Царствование Иоанна Грозного поставило Россию на грань национальной катастрофы. Неумная экономическая политика и разорительная Ливонская война довели людей до полного обнищания. Мудрая политика Бориса Годунова не смогла предотвратить катастрофу. Четыре неурожайных года подряд в последние годы его царствования, а также преждевременная смерть этого одного из лучших Российских Государей стали началом Великой Смуты. Тяжесть Гражданской войны усугубила Польская интервенция. Страна лежала во прахе. Области, граничащие с Ордой, обезлюдели еще в XIII — XV вв. Южные лесостепные и Центрально-Черноземные районы были практически малонаселены из-за постоянных набегов крымских татар и кочевников. Казачье население «Тихого» Дона было не лучше крымских татар. Лжедмитрия I посадили на Московский трон не поляки, а донские казаки, промышлявшие разбоем не только в Персии, на Кавказе, в Турции, но и на Руси. Классическим образчиком чего был знаменитый Стенька, герой именно этой эпохи. Часть Западных и Северо-Западных земель была потеряна для России в ходе Ливонской войны и в Смуту. Оставшиеся области были полностью разорены. Московский уезд также был полностью разорен и разграблен. Поэтому и не могло идти никакой речи о собаках, тем более породных, в этих областях. Ко всему прочему в то время от Запада мы были напрочь отсечены Польшей и Швейцией, не допускаявших «москалей» на прямой контакт с другими западными государствами и вся-

чески препятствующих усилению Московского государства. Единственным оплотом России, источником ее могущества и возрождения, как это уже было не раз, оставались Северо-Восточные земли: Владимир, Кострома, Ростов Великий, Углич, Юрьев, Ярославль и др., знаменитое русское ополье. Здесь, в этих менее пострадавших районах, сохранивших свои людские и материальные ресурсы, только и можно было искать собак для восстановления Царской псарни.

Так что же все-таки представляли собой гончие XVII — XVIII вв.? Большинство авторов XIX в., а следом за ними и XX, пытались углыдеть в мешанине гончих второй половины XIX в. некие типичные черты некогда существовавшей легендарной единой аборигенной гончей. А Кишенский даже любил писать, что он лично застал еще и видел этих легендарных собак. На самом деле, в данном случае, опять произошла подмена. Авторы выдали желаемое за действительное. Никакой породы старинной русской гончей в XVII в. не существовало. Была довольно обширная породная группа собак, которая только-только начинала оформляться как типичная гончая. Эта породная группа охватывала самый широкий спектр типов собак, среди которых были такие, что ни один современный любитель гончих, при всем своем желании, не признал бы в них гончую породу. Скажем так. Экстерьер их был весьма причудливым, а требования к нему со стороны охотников очень нестрогими. В чем заключались эти требования, донесли до нас два рукописных памятника русской охотничьей литературы: «Регул псовой охоты» Фонлессина* и «Книга о порядочном содержании псовой охоты». Шиян в своей книге впервые в литературе о гончих, касаясь ситуации второй половины XIX в., высказал мысль, что английская гончая не только не ухудшила русскую гончую, как любили писать до этого, а значительно улучшила ее. Я пойду еще дальше и скажу, что значительный ввоз западных гончих, и не только на Царскую псарню, в XVIII в. не только улучшил и в экстерьерном, и в рабочем отношении местную породную группу гончих, но именно эта «мешанина» XVIII в. и стала фундаментом сначала для восточной гончей, а затем и для русской. Не вдаваясь сейчас в подробности обоснования этой моей точки зрения, что заняло бы не один десяток страниц и не имело бы отношения к делу, скажу только следующее. Именно этим фактом и объясняется, почему самые разные авторы производят знаменитую костромскую гончую то от татарских, то от английских, а то и вообще черт знает от чего. А например, опубликованный в Журна-

* Этот замечательный памятник русской охотничьей культуры требует отдельного и весьма обстоятельного разговора. Сейчас же ограничусь только тем, что скажу, что его датировка — 1635 г. — является не более чем мистификацией, а сам он появился не ранее рубежа XVIII в.

ле Охоты за 1876 г. портрет «Голоса» Н. М. Шидловского, обозначенного там как костромская гончая и впоследствии часто воспроизводимого, в том числе и в современной литературе, как пример типичной костромской, на самом деле на выставках проходил как польско-русская. И это было действительно так. Достаточно внимательно посмотреть на портрете на его ухо, большое и круглое, то есть ухо польской гончей, но никак не костромской. Примеров можно было бы привести множество, поэтому вслед за Шияном скажу, что русская гончая как порода — плод работы отечественных заводчиков второй половины XIX — начала XX в. — несет в себе кровь не только аборигенной гончей, но и значительную долю кровей польских, курляндских, французских и английских гончих, обогативших местную породу.

Сделав это необходимое отступление от своей рецензии, чтобы дополнить то, что недосказано в книге Шияна, отмечу и несколько ее неточностей. В ходе Русско-Польской войны 1654—1667 гг. была присоединена не Украина, а только ее левобережная часть и, согласно Андрусовскому перемирию с Польшей 1667 г., к России отошел город Киев на два года, после чего он должен был быть возвращен Польше; а Запорожская Сечь была поставлена под совместный контроль.

Говорить об упадке псовой охоты в эпоху Петра I не точно, так как до него, ни в XVI, ни в XVII в., никакого расцвета псовой охоты не было, а следовательно, и падать было нечему. Не было расцвета псовой охоты и при Петре II. Подлинный расцвет псовой охоты в России наступил только в последней четверти XVIII в., а ее золотой век был в первой половине XIX века.

Фраза «... при последнем русском монархе на российском престоле — Петре II, после которого череда иностранцев на императорском троне России прерывалась только 20-летним царствованием внучки Петра I Елизаветы Петровны» (с. 8) неточна. Во-первых, Елизавета была не внучкой, а дочерью Петра I, и, во-вторых, Анна Иоанновна была чистокровной русской, дочерью старшего сводного брата Петра I, Иоанна V.

Петр III даровал российскому дворянству вольность, право не служить. Но уже и до него 30 лет дворяне не служили до старости, так как первое сокращение службы до 25 лет было им даровано еще Анной Иоанновной при ее вступлении на Российский престол. А вот до этого, действительно, дворянин служил до тех пор, пока не падал с седла. Поэтому оседание дворян в своих поместьях началось задолго до Петра III, и именно поэтому первые рукописные памятники охотничьей литературы относятся к 30—40-м гг. XVIII в., когда подобная литература впервые была востребована обществом, а от-

Удачное завершение охоты

Фото В. Гладких

нюдь не к эпохе Петра III и Екатерины II.

Курляндия вошла в состав Российской Империи не в 1710 г., а только в 1795 г., по третьему разделу Польши. До этого эта Дворянская республика, где власть герцога была номинальна, входила, на правах вассалитета, в состав Речи Посполитой. Просто в 1710 г. Петр I выдал свою племянницу Анну замуж за Герцога Курляндского, и с того времени Россия смогла оказывать некоторое давление на политику Курляндии, но не более того.

«Псовый охотник» Левшина вышел не в 1820 г., а в 1810-м.

Выписанного из Ирландии знаменитого борзого кобеля звали не Рид-Кан, а Рид-Кап.

В завершение своей рецензии еще раз хочу поздравить автора и всех любителей русской гончей с выходом в свет замечательного труда.

1950

АЛЬМАНАХ

1996

ОХОТНИЧЬИ ПРОСТОРЫ

Редакция высылает наложенным платежом комплект "Охотничьих просторов" за 1995 год.

Четыре книги по 256 страниц, в красочной обложке, большого формата, богато иллюстрированы рисунками, гравюрами и фотографиями. Любителей охотничьей литературы ждут встречи с хорошо известными им писателями-охотниками: В.П.Астафьевым, А.Л.Буйловым, М.В.Булгаковым, Г.Н.Котельниковым, Б.И.Марковым, А.С.Онеговым, Н.Н.Старченко, В.Б.Чернышевым и многими другими. Широко представлены во всех четырех книгах альманаха ставшие классическими произведения охотников прошлого: С.Н.Алфераки, Ю.М.Смельницкого, В.К.Арсеньева, Б.М.Скубенко.

Оружие, охотничьим собакам, снаряжению, способам охоты и проблемам охотничьего хозяйства посвящена рубрика "Охотничьи университеты".

Заявки направлять по адресу: 143900, Московская область, г.Балашиха-9, а/я 96.
Стоимость четырех книг 1995 года 50.000 рублей, включая расходы по пересылке.
Альманах высылается только в пределах России.

*Господа предприниматели,
руководители предприятий и учреждений!*

ВНИМАНИЕ!
**МЫ ГОТОВЫ ОПУБЛИКОВАТЬ
ВАШУ РЕКЛАМУ В НАШЕМ ЖУРНАЛЕ**

Производители ружей, боеприпасов, охотничье-рыболовного снаряжения, одежды и обуви, капканов, охотничье-рыболовной и другой экологической литературы, палаток, лодок и лодочных моторов; фирмы, заготавливающие и перерабатывающие пушнину, меховые ателье, пушно-меховые холодильники, другие заинтересованные организации, охотники, желающие опубликовать частное объявление

**ДЛЯ ВАШЕЙ РЕКЛАМЫ НЕТ ЛУЧШЕГО МЕСТА,
ЧЕМ НАШ ЖУРНАЛ**

Результативность нашей рекламы очень высока, расценки на ее размещение ниже, чем в других средствах массовой информации. У журнала миллионы читателей как в России, так и в странах ближнего и дальнего зарубежья.

**НЕСМОТРЯ НА ИНФЛЯЦИЮ, РАСЦЕНКИ НА РЕКЛАМУ
ОСТАЛИСЬ ТАКИМИ ЖЕ, КАК И В 1995 ГОДУ**

(в долларах США с учетом НДС и СН)

Одна полоса (страница) — 800,

$\frac{1}{2}$ полосы — 600,

$\frac{1}{4}$ полосы — 500,

$\frac{1}{8}$ полосы — 480,

$\frac{1}{16}$ полосы — 400,

1 знак частного объявления — 1,0;

2-я страница обложки — 1000,

3-я страница обложки — 800,

4-я страница обложки — 1200.

Оплата в рублях по курсу ММВБ на день оплаты.
Пишите, звоните.
Тел. (095) 207-20-91, 207-24-05.

Наши реквизиты: Расчетный счет 41467762
в Промрадтехбанке МФО 998907, участник РТ,
корр. счет 122161600 в РКЦ ГУ ЦБ РФ, уч. 83.

ИЗМЕРЕНИЕ РАССТОЯНИЙ С ПОМОЩЬЮ БИНОКЛЯ

А. АДЕЛЬФИНСКИЙ

Каждый призматический полевой бинокль, снабженный угломерной сеткой, кроме наблюдения может служить и для определения расстояний от наблюдателя до видимых им в бинокль местных предметов.

Сетка представляет собой ряд чередующихся длинных и коротких черточек и перпендикулярный к первому ряду ряд черточек и знаков плюс (+). Первый ряд выравнен по горизонтали, а второй — по вертикали на специальном стекле, вставленном внутрь бинокля перед окуляром правой его трубы в фокальной плоскости окуляра (рис. 1).

Из геометрии известно, что длина всякой окружности больше своего радиуса приблизительно в 6,28 раза.

Таким образом, если, например, радиус круга равен 2 м, то длина его окружности равна $2 \times 6,28 = 12,56$ м.

Это постоянное соотношение между длиной окружности и ее радиусом определяется геометрической формулой:

$$C = \pi D = 2\pi R,$$

где C — длина окружности; π — постоянная величина, равная (с некоторым округлением) 3,14 и определяющая отношение длины окружности к ее диаметру; D — диаметр круга; R — радиус его, а коэффициент 2 определяет отношение диаметра к его радиусу, так как диаметр $D = 2R$.

При измерении расстояний с помощью бинокля место, где стоит наблюдатель, рассматривают как центр круга. Окружностью является видимый наблюдателем горизонт. Видимые наблюдателю местные предметы считаются расположенными на концентрических (т. е. имеющих тот же центр) окружностях. Радиусы этих окружностей равны расстояниям от наблюдателя до предметов (рис. 2).

Это расстояние, являющееся в наших рассуждениях радиусом воображаемого нами круга, на окружности которого и расположен видимый нами местный предмет, условились считать за единицу, которая в промилльных выражениях равна 1000 промилле (1000‰)*.

Для определения относительной длины части окружности — дуги в геомет-

рии принято брать за единицу измерения дугу, противолежащую центральному углу, равному 1° . Таким образом, длина этой дуги представляет $\frac{1}{360}$ часть окружности и соответствует углу, равному 1° . Выражение длины дуги в градусах противолежащего ей угла называется угловой величиной этой дуги.

В промилльных вычислениях для определения относительной длины окружности и ее дуг за единицу измерения берется радиус этого круга.

Для удобства подсчетов условились считать, что длина окружности круга больше своего радиуса не в 6,28 раза, а ровно в 6. Это неточно, но ошибка, допускаемая в этом случае, невелика (меньше 5%) и почти не имеет практического значения. Зато последующие вычисления значительно облегчаются.

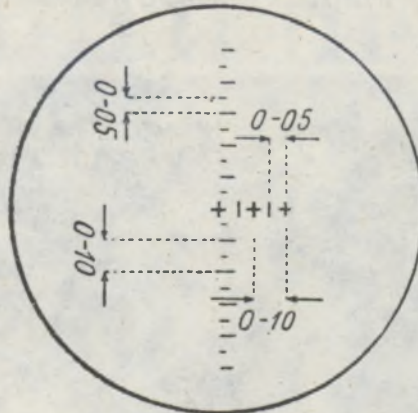

Рис. 1. Сетка в бинокле

Рис. 2. Схема местности: А — точка расположения наблюдателя

Таким образом, полагают, что по окружности можно уложить ровно 6 радиусов. Применяя промилльные вычисления, мы говорим, что в одном радиусе 1000 промилле (1000‰). Выражая длину окружности через радиус в его тысячных долях с допущенным нами округлением, получаем, что длина окружности круга равна: 1000 промилле радиуса $\times 6$, т. е. 6000 промилле радиуса, или 6000 тысячных долей радиуса этого круга.

При определении длины дуги в тысячных долях радиуса мы можем так же, как и в приведенном нами примере из геометрии, выразить ее величиной угла, которому она противолежит. Но в этом случае считают, что из одной точки, являющейся центром круга и одновременно вершиной воображаемых нами углов, следует построить не 360 равных углов, а 6000, из которых каждый равен $360/6000 = 6/100$ градуса.

Стороны этих углов, продолженные до пересечения с окружностью, делят ее на 6000 дуг, каждая из которых соответствует углу в $0,06^\circ$. Длина такой дуги равна длине окружности (6 радиусов), деленной на 6000, т. е. равна 0,001 радиуса. В угловых единицах (в так называемых делениях угломера) дуга эта равна 1 делению. Записывать это принято так: «0-01».

Следовательно, дуга, соответствующая углу, который равен одному делению угломера, всегда равна 0,001 радиуса, или 1 промилле радиуса.

При изменении величины углов прямо пропорционально им будут меняться и длины соответствующих этим углам дуг. На такой зависимости между длиной дуги и величиной противолежащего ей угла и основана техника определения расстояний с помощью бинокля, снабженного угломерной сеткой.

Деления на сетке бинокля нанесены с таким расчетом, что угловые расстояния между каждыми двумя соседними длинными черточками соответствуют 10 делениям угломера (0-10), или 10 тысячным (0,010) долям радиуса, следовательно, 10 тысячным расстояния на местности от наблюдателя до видимого им предмета. Имеющиеся между длинными короткими черточки (рис. 1) отсчитывают от соседних длинных 5 делений угломера (0,05), или 5 тысячных долей расстояния до предмета.

Сеткой бинокля мы можем определить, скольким делениям угломера соответствует размер того или иного видимого нами предмета или, что то же самое, скольким тысячным долям расстояния до предмета соответствуют эти размеры. Зная величину предмета, вы-

Журнал «Ворошиловский стрелок» № 18, 1939 г.

* В тех случаях, когда требуется большая точность измерения соотношений, пользуются не процентами, а более мелкими — тысячными долями, так называемыми промиллями. Промилли изображаются знаком « ‰ » или « ‰ ».

раженную в линейных мерах, разделим ее на число, определяющее его величину в делениях угломера, и частное умножим на 1000. Тогда полученное произведение покажет нам расстояние от места, где мы стоим, до предмета, который мы наблюдаем в бинокль, причем расстояние это будет выражаться в тех же линейных мерах, в которых мы выразили величину наблюдаемого нами предмета.

Чтобы определить расстояние до видимого нами предмета с помощью бинокля, нужно знать размеры этого предмета или по горизонтали (т. е. ширину или длину его) или по вертикали (т. е. высоту его). Разница будет заключаться лишь в том, что если известна видимая нами ширина (длина) предмета, то для определения его угловой величины служит горизонтальный ряд черточек сетки бинокля. Если мы знаем высоту предмета и по ней хотим определить расстояние до него, то в этом случае величину предмета в делениях угломера следует отсчитывать с помощью вертикального ряда черточек сетки бинокля.

Теоретические обоснования совершенно одинаковы в обоих случаях, ибо, в каком положении ни находился бы круг (в горизонтальном или вертикальном), отношение длины окружности к ее радиусу остается неизменным.

Высоту наблюдаемого нами предмета мы так же, как и в рассмотренном ранее случае, можем представить себе частью воображаемой окружности (но уже находящейся в вертикальной плоскости), какой-то дугой, которая может быть выражена в долях радиуса, в делениях угломера и в любых единицах измерения длины. Центром этого воображаемого, вертикально располо-

Наименование предметов	Размеры в метрах по высоте	По ширине
Человек в рост	1,70	—
Всадник	2,50	—
Телеграфный столб	6,00—7,00	—
Расстояние между телеграфными столбами	—	50,00
Средняя высота леса	25,00	—
Изба	5,00—7,00	—
Железнодорожная будка	4,00	—

женного круга будет, как и в первом случае, точка стояния наблюдателя.

Угловая величина известной нам высоты предмета определяется, как мы уже говорили, с помощью вертикального ряда чередующихся между собой черточек (—) и знаком плюс (+), нанесенных по тому же самому принципу, что и чередующиеся между собой длинные и короткие черточки в горизонтальном ряду.

Для вычисления расстояний с помощью бинокля пользуются следующей формулой:

$$D = \frac{B \cdot 1000}{V} \dots (1)$$

где D — измеряемое расстояние до видимого нами предмета; B — известные нам размеры этого предмета, выраженные в тех или иных линейных мерах; V — угловая величина предмета, выраженная в делениях угломера по показаниям сетки бинокля.

Если размеры предмета, до которого нужно измерить расстояние, неизвестны, то в ряде случаев их можно найти в соответствующих справочниках и наставлениях или определить по карте.

Привожу принятые размеры некоторых предметов в таблице.

Пользуясь тем же методом тысячных, можно решать задачи и обратного порядка, т. е., зная расстояние до видимых нами в бинокль предметов, определять их размеры.

В самом деле, зная длину радиуса круга в линейных мерах и найдя длину дуги окружности в делениях угломера, т. е. угловую величину предмета, мы можем выразить последнюю в тех же линейных мерах, в которых измерен радиус круга. Расстояние до предмета, выраженное в линейных мерах, разделим на 1000. Тогда мы узнаем, чему равняется одна тысячная расстояния до предмета. Затем полученное частное умножим на угловую величину этого предмета, которая показывает также его размеры в тысячных долях радиуса. Для этого пользуются формулой:

$$B = \frac{D \cdot V}{1000},$$

которая непосредственно выводится из формулы (1).

Приведем пример. На опушке леса оказался всадник. Какова дистанция до него?

Из таблицы находим, что высота всадника 2,5 метра. Угловая величина всадника при наблюдении в бинокль оказалась равной 0—04.

Отсюда: $D = (2,5 \cdot 1000) / 4 = 625$ метров.

Дорогие читатели, друзья «ОХОТЫ И ОХОТНИЧЬЕГО ХОЗЯЙСТВА»

Не забудьте подписаться
на свой журнал

Наш индекс — 70673 — на полгода,
72376 — на год по каталогу Роспечати

Всех, кто останется с нами,
благодарим за верность журналу

Редакция

Запчасти
для всех марок
отечественных
мотоциклов и мопедов.

Высмаем
наложенным платежом:
107258, Москва, а/я 19.

Москва.
Питомник
гидробиологов Рейнджер.
Шеки от привозных
производителей — чемпионов.
☎ (095) 536-68-13.

А. МИХАЙЛОВ,
заместитель председателя
Правления МООиР,
Н. КЛЮКИН

ВОЛКИ ПОДМОСКОВЬЯ

«Для охоты на такого умного, осторожного и приспосабливающегося зверя, как волк, нужны хорошие знания, стройные охотничьи организации, нужные средства, которые жалеть не следует, так как десятки тысяч волчьих пастей поглощают неизмеримо большую сумму, чем сумма, потребная не только на борьбу с волчьей напастью и даже на истребление волков» (Н. А. Зворыкин).

Однако, прежде чем дать рекомендации по борьбе с волками, думается, нужно еще раз рассказать будущим охотникам на этого хищника об особенностях его характера и поведения. Волк отличается большой физической силой, необыкновенной выносливостью, живучестью и крепостью на рану, в течение недели-двух способен обходиться без пищи, сохраняя при этом форму и полную «работоспособность». Более того, по словам Л. П. Сабанеева, «голодный волк скачет долее и быстрее, чем сытый». Самец помогает волчице выкармливать волчат, а в случае ее гибели берет на себя заботу о малышах.

Волк имеет хорошо развитые органы чувств, особенно слух. Поразительна его способность определять точное месторасположение источника звука и расстояние до него. Реакция волка мгновенна, — стоит чуть шевельнуться охотнику, едва качнуть ружьем, как зверь исчезает в зарослях.

Волк умеет реально оценивать степень опасности, он различает опасные предметы и звуки, по-разному реагирует на встречу со «знакомыми» и безопасными людьми, с людьми в незнакомой одежде и с оружием; различает волк даже мирные, спокойные или враждебные интонации человеческого голоса.

Волк быстро обучается и хорошо запоминает уроки. Например, единожды преодолев линию флажков, в дальнейшем он не только легко уходит через них, но может настойчиво уводить за собой более осторожную самку и небожную молодежь.

Убедившись, что снегоход «Буран» несет опасность, волк научился отличать звук его двигателя от звуков, производимых тракторами или автомашинами.

Волки широко используют своеобразный язык как средство звукового общения в семье-стае и с другими особями и как средство выражения своего состояния.

Трезвая и точная оценка волком степени опасности обуславливает широкий спектр его реакций от боязни до агрессивности и даже наглости, когда он чувствует безнаказанность. Волк осторожен и осмотрителен, но не труслив. Стремление избежать опасности свидетельствует не о трусости, а о естественном желании сохранить себя.

Ведь тактика разумного отступления свойственна и далеко не трусам. Случаи панического бегства эпизодичны и бывают иногда и совершенно не трусливых представителей животного мира. Волк обладает способностью действовать разумно при добыче пищи и преодолении опасности. Поэтому на каждый новый прием борьбы человека с волком у последнего вырабатываются защитные реакции. Этим объясняется тот удивительный факт, что некоторые прежние способы истребления волков потеряли эффективность.

Совокупность высоких физических и психических качеств позволяет волку приспосабливаться к самым разным условиям среды обитания, то есть быть невероятно пластичным.

Зная, что самым главным, смертельным его врагом является человек, волк тем не менее для обеспечения себя и своего потомства пищей тяготеет к поселениям человека и по существу живет за счет последнего, да так, что, бывает, все старания «царя природы» избавиться от нахлебника оказываются тщетными.

Волков мало в глухой тайге, поскольку в ней мало для него пищи, а деятельность человека кроме прямого предоставления волку пропитания разведением домашних животных нередко и косвенно способствует его благосостоянию. Например, широко распространенная вырубка старых лесов ведет к замещению вырубок лиственным молодняком — кормовой базой для копытных, являющихся основой питания волка.

Прокладывая дороги, которыми волк охотно пользуется, особенно в многоснежье, человек способствует созданию условий для переходов хищника.

По типу питания волки подразделяются на синантропных (скотинники и падальники) и лесных волков, питающихся дикими животными. Тем и другим, по разным оценкам, в среднем требуется от двух до пяти килограммов мяса в сутки (точного количества потребного волку мяса в естественных условиях никто не знает). Голодный волк может впрок съесть 15 и более килограммов мяса в течение нескольких часов.

Синантропные волки, добывая домашних животных, идут на воровство и грабеж, что связано с большим риском. Поэтому, как только появляется возможность питаться дикими животными, волки переходят на эту пищу, добывать которую менее рискованно.

Так случилось в Московской области. Еще в 1920—30-х гг. здесь преобладали синантропные волки. Но в середине нашего века в охотничьих угодьях, благодаря расселению и биотехническим работам, существенно возросла численность копытных (лосей, а затем кабанов, косуль, оленей). Одновременно происходили изменения в размещении сельских жителей и в животноводстве: селяне перебирались в более крупные населенные пункты и города, частники все меньше содержа-

ли скота, животноводством начали заниматься в крупных агропромышленных комплексах. В результате волки в Подмосковье почти полностью перешли на питание дикими копытными; редко где зарежут корову, теленка, несколько овец или поймают собаку. Вообще говоря, в Подмосковье волки, питающиеся дикими копытными, тоже живут за счет человека: ведь именно благодаря плановому ведению охотничьего хозяйства, при лицензионном отстреле копытных, при борьбе с браконьерами и биотехнических работах численность диких копытных возросла до уровня, достаточного для прокормления десятков волков.

В 1993—1994 гг. только в угодьях МООиР их насчитывалось порядка 150 особей (точных данных нет из-за несовершенства методов учета), а добывалось 50—60 волков в год. Принимая за минимальную цифру 2 кг мяса на одного волка в сутки, можно рассчитать, что в течение года подмосковные волки съедают более 200 лосей. Но реальный ущерб животному миру от волков существенно больше, чем определяемый столь простым расчетом. Ведь волк режет гораздо больше копытных, чем съедает: причина тому — стремление его зимой есть парное, а не мороженое мясо, а летом — свежее, непротухшее. Имеют значение и чисто хищнические инстинкты, когда волк, ворвавшись в отару овец, рвет их без счета вовсе не для необходимого пропитания.

С 1991 г. наметилась устойчивая тенденция сокращения численности диких копытных в угодьях МООиР. Мы, конечно, далеки от мысли, что в этом повинны только волки. Копытных в Подмосковье становится меньше из-за сокращения площадей охотничьих угодий, из-за браконьерства, а может быть, и еще из-за каких-то пока непонятых причин. Тем не менее факт остается фактом: в Подмосковье за последние десятилетия отчетливо прослеживается зависимость: чем больше волков, тем меньше копытных. Также ясно, что с уменьшением численности диких копытных волки все чаще режут домашних животных. Если эта тенденция сохранится, а численность волков не будет радикально снижена, им придется почти полностью перейти на питание домашними животными. А во времена суровой бескормицы может появиться угроза нападения волков и на людей, в первую очередь — на детей.

Д. И. Бибииков и Ю. П. Губарь в недавней публикации подняли и такой вопрос: а что произойдет, если в случае полного уничтожения волка его экологическую нишу займут стаи бродячих, одичалых собак, которые уже теперь появляются в охотничьих угодьях как конкуренты волка по уничтожению диких животных? Проблема эта, особенно для Московской области, весьма актуальна и ею, конечно, необходимо заниматься. Однако в Московской области волку пока не грозит полное истребление.

Облава закончилась Фото А. Дигилевича

Возникает сложная задача — управление популяциями волков, волко-собачьих гибридов, одичалых собак. Но наиболее близкая и совсем непростая задача — снижение численности волков — может быть достигнута только совершенствованием охоты на них.

Трудность охоты на волка определяется его феноменальными способностями. Не случайно, что из десятков способов охоты и истребления волков, выработанных человеком за многие столетия, остались лишь немногие, да и те весьма трудоемкие, и ни какие угодно «кампании», приказы, постанов-

ления и указания, направленные на снижение численности волков, не могут привести к решительному успеху. Только хорошо организованная и экономически подкрепленная, планомерная борьба с волком может снизить численность этого хищника и наносимый им ущерб до допустимых размеров. Поэтому в следующей публикации мы постараемся рассказать о некоторых способах охоты на волков с надеждой, что это поможет добиться уменьшения количества этого зверя и вреда от него.

Рисунки В. Есаулова

ХИЩНЫЕ ПТИЦЫ

С. УСПЕНСКИЙ, профессор

Рисунок Н. Самокиша

Они сильно различаются и размерами тела, и образом жизни. Среди них есть и гиганты с размахом крыльев более 2 м, весом более 10 кг (например, грифы и сипы) и карлики весом всего лишь около 200 г (например, мелкие сокола). Одни хищные птицы (таких большинство) перелетные или совершают сезонные кочевки, другие оседлые. Обитают они в открытых степях, тундрах, горах, разного типа лесах, как вблизи человека, так и вдали от него.

Однако между ними гораздо больше общего, чем различий. Всем им свойственны плотное телосложение, крепкий изогнутый крючковатый на конце клюв, основание которого одето голой кожей (восковицей). Ноги их средней длины, сильные, с длинными пальцами, на нижней стороне которых имеются жесткие подушечки, помогающие птицам удерживать добычу. Оканчиваются пальцы острыми загнутыми когтями, которые служат для умерщвления и удержания добычи.

Оперение этих птиц жесткое, плотно прилегающее к телу, обычно неярких цветов: серого, бурого или рыжего. Окраска оперения большинства видов одинакова как у самцов, так и у самок, однако молодые птицы (до года, а иногда и старше) по этому признаку хорошо отличаются от взрослых. Как правило (за исключением лишь грифов и сипов), самки у них заметно крупнее самцов.

Живут они парами. Гнездятся один раз в году, чаще на деревьях или на скалах, реже на земле. Простые по устройству гнезда строят сами или занимают постройки других птиц. В кладках у них бывает от одного (у крупных видов) до восьми-девяти яиц. Насиживает их преимущественно самка, чаще около одного месяца. Птенцы вылупляются зрячими, покрытыми густым белым или сероватым пухом, и проводят в гнезде от одного до трех и даже четырех месяцев. Продолжительность жизни птиц достигает 20 лет.

Все хищные птицы ведут дневной образ жизни и кормятся животной пищей: мелкими и средней величины млекопитающими, птицами, насекомыми, некоторые виды также рыбой, лягушками, змеями или кормятся в основном падалью и отбросами, собираемыми вблизи человека. Выслеживают они свою добычу с воздуха, причем удачной охоте способствуют их особо зоркое зрение и быстрый маневренный полет. Некоторые из них, например тетеревиный и болотный лунь, наносят урон охотничьему хозяйству. Однако среди их добычи немалую долю составляют большие или дефектные птицы и звери. По этой причине оценить действительный ущерб от них не просто. Несомненно лишь, что он не может быть определен огульно, «вообще». Оценить его возможно лишь применительно к конкретному месту и времени. Большинство же представителей отряда, поедая вредителей сельского хозяйства — мелких грызунов, насекомых, приносят человеку немалую пользу. Некоторые соколы, ястребы и орлы с незапамятных времен высоко ценятся как ловчие птицы и используются в охоте на пернатую дичь и зверей, вплоть до мелких антилоп, лисицы и волка.

Давнее и незаслуженное истребление хищных птиц человеком якобы в интересах охотничьего хозяйства, а в последние десятилетия также резкие изменения человеком местобитаний этих птиц, и особенно широкое использование в сельском и лесном хозяйствах пестицидов и других химических средств борьбы с вредителями (отравление пернатых хищников через добычу), привели к сокращению их ареалов и резкому падению численности.

Всего насчитывается около 270 видов хищных птиц, которые распространены по всему земному шару, за исключением Антарктики и некоторых океанических островов. В пределах России обитает около 40 видов, 30 из которых у нас более или менее обычны. Отечественные хищные птицы относятся к трем семействам: соколиным, ястребиным и скопиным (к этому семейству относится лишь один вид — скопа).

Тетереvятник

Канюк

Беркут

Скопа

Сапсан

КАРТИНЫ ИЗ ПЕРЬЕВ

Композиционно совершенные, мозаичные и рельефные картины пейзажей и охотничьих сцен создает из птичьих перьев и пуха бывший авиадиспетчер красноярец Анатолий Сидорович Байзан.

Однажды лет 25 назад увидел он в тайге падающее глухариное перышко, подобрал его и удивился его красоте. Тогда же и подумал: «А что, если попробовать из перьев составлять картины...»

Пробы оказались удачными и увлекли Анатолия Сидоровича. Он стал собирать перья. Познакомившись на выставках с его картинами (в Москве, Прибалтике, Финляндии, Болгарии...), поклонники его таланта стали присылать ему перья разных птиц: пестрые, коричневые, красные, зеленые, синие, серые, — они не нуждались в подкрашивании, и потому на картинах нет ни единого пятнышка краски. Но при этом, как и в природе, стволы сосен красно-коричневые, березы — белые, трава — зеленая, и там, где это требуется, над пейзажем стелется туман из пуха, да такой, что в него хочется войти, он почти подвижный. Увы, репродукции не передают удивительной живости и рельефности картин.

Работа художника начинается с того, что он с натуры или с открытки, с фотографии карандашом рисует эскиз, переносит его на белую основу будущей картины, а потом, используя клей ПВА, укрепляет мозаику из пуха и перьев. Некоторым перьям в соответствии с требованиями пейзажа приходится придавать определенную форму: подрезать или раздвигать, разломачивать бордочки.

Многим картинам А. С. Байзана уже более 20 лет, но перья удивительно стойко сохраняют цвет. Художник думает, что обесцвечиваются они только на чучелах: цвет у перьев забирает кожа. Наблюдательные охотники знают, что цвет перьев даже у свежестрелянной птицы бледнее, чем у живой. Так что, может быть, Байзан прав.

После наклеивания перьев и пуха Анатолий Сидорович обрабатывает их дихлофосом, чтобы предохранить картины от пухоедов. Затем накрывает картину стеклом и тщательно оклеивает ее края. Художник надеется, что в таком виде картины, не теряя цвета, могут сохраняться сколь угодно долго.

Картины А. С. Байзана высоко оценены у нас и за рубежом. Нам остается лишь еще раз удивиться и порадоваться богатству России талантливыми соотечественниками.

Р. ДОРМИДОНТОВ

«САФАРИ ПО-РУССКИ»: ЮМОРИСТИЧЕСКИЙ ТЕРМИН?

Д. СЕВИЧ

Окончание холодной войны и последовавшее за этим открытие России и бывших союзных республик для контактов с Западом вызвало большую заинтересованность охотников США в новых открывшихся возможностях проводить охоты в ранее недоступных местах. Особо большой интерес американцы стали проявлять к русским охотам на медведя. Однако следует отметить, что охота на канадского черного медведя продолжает пользоваться большим успехом на территории США и Канады, а вот охота на бурого медведя сильно ограничена. На Аляске, где находится основное скопление бурого медведя и гризли, охотнику официально разрешается убивать только одного из этих двух видов медведей один раз в 4 года, а в России некоторые иностранные охотники убивали по два медведя в неделю и могли бы убить больше, если бы у них было достаточно средств.

Охотничьи публикации и журналы печатали списки видов животных СССР, многие из которых ранее были занесе-

ны в Красную книгу. Новая обстановка и новые власти разрешили охоту на редчайшие (экзотические) виды. Международный охотничий бизнес навалился на страны СНГ, прокладывая дорогу элитному эшелону охотников за трофеем и коллекционеров — тех, чья страсть к охоте можно регулировать только огромной суммой денег.

Из этой первой волны американских охотников многие являлись членами организации «Международный Клуб Сафари» (МКС). Это одна из немногих частных организаций мира, которая, рекламируя спортивную охоту, одновременно делает все для того, чтобы сохранить виды животных для будущих поколений. Такая политика была особенно успешна в Африке, когда МКС сыграл важную роль в установлении статуса охоты как промышленности, координирующей доход местного населения и правительства. Многие программы в различных странах Африки были настолько успешны, что спортивная охота в отдельных районах стала основным источником дохода, превзой-

дя доход от других видов туризма. В США МКС занимается защитой прав охотников, сохранением нетронутых территорий для животного мира и даже помогает собирать мясо у охотников, чтобы накормить голодных.

Как и в любой другой многочисленной организации, в МКС бывают и исключения. Некоторые охотники присоединились только потому, что получили возможность изучить трофеи всех стран мира, но и, конечно, получить признание своих трофеев. Соревнование за «Мировой рекорд» и другие награды МКС, к сожалению, стало целью, поэтому многие спортивные соревнования вышли за нормы этики.

Целью первой волны американских охотников была добыча крупных экземпляров Камчатского медведя, снежного барана, или барана Марко Поло, а также других экзотических животных, таких, например, как винторог. Эти трофеи использовались не только для украшения «кабинета» охотника, но и для официального регистрирования в книге трофеев МКС. Для дру-

гих «коллекционеров» не имело значения, какой зверь был добыт, главное, чтобы он был не такой, как в других местах земного шара. Такие трофеи часто выставлялись в больших частных залах для «просмотра». Для присвоения «Награды за достижения» в МКС выдавались письменные заключения за натурные образцы впечатляющих своей уникальностью трофеев, в которых указывалось, каких животных охотник застрелил и на каком континенте. Нашей целью не является осуждение такой практики, однако следует заметить, что такое хобби могут позволить себе только самые богатые, т. е. очень малая часть из 17 млн американских охотников. Более того, следует подчеркнуть, что некоторые из этих богатей пойдут на все, лишь бы добыть свои трофеи, даже нарушая законы как страны, где они добыли трофей, так и США, где нелегальным является трофей, добытый вопреки законам другой страны.

НЕЛЕГАЛЬНЫЕ ТРОФЕИ

Если такая деятельность станет известной властям США, они будут обязаны принять меры. С другой стороны, где граница ответственности за такие действия? Что, если эта страна сама не соблюдает свои законы или не в состоянии контролировать их выполнение? Следует ли американским властям закрыть на это глаза и разрешить американским «спортсменам» (я поставил кавычки, потому что не знаю, как их назвать) продолжать привозить русских оленей и медведей, добытых с вертолета? Не является ли такая акция вмешательством США во внутренние дела России? Или это необходимо для того, чтобы вынудить другую страну правильно использовать ее собственные ресурсы?

Видимо, это как раз тот самый момент, когда возникает вопрос, какие методы охоты являются легальными и соответствуют этическим нормам. Если охота с вертолетов официально запрещена в России, тогда мы имеем случаи, когда американские охотники и люди, проводящие охоту, нарушают закон. Кто-то может сказать, что этот вопрос не стоит называть проблемой, что это — угроза всего нескольким животным и не является типичной для русского охотника.

Американцы, охотящиеся в России, почти никогда не знают законов об охоте. Я знаю это точно, т. к. несколько раз просил показать мне копию законов, но их «не было в наличии». Проблема является еще более острой для тех, кто не знает русского языка, потому что, насколько мне известно, копий закона на английском языке вообще, видимо, не существует. Эта миссия ознакомления с законами отдана охотхозяйству или фирме, занимающейся проведением охоты, миссия, редко выполняемая.

Я затронул эту тему, потому что известно все больше и больше фактов отстрела животных американскими

охотниками с вертолетов. Чаще всего они объясняют это тем, что им сказали, что такой вид охоты является легальным в России. Я имею в виду все виды охот с вертолета, за исключением использования вертолета как транспортного средства для доставки охотников в отдаленные районы. Примерами такой охоты являются как стрельба непосредственно с вертолета, так и, более распространенная, использование вертолета для выселения медведя и размещения охотника вблизи зверя для отстрела. Другой способ использования вертолета — гнать животное по направлению к охотникам (на номера).

Менее очевидный, но сейчас хорошо известный подход к решению проблемы добычи трофея — расположить охотников в лагере на территории, где нет животных. Я приведу пример охоты на лося на Камчатке со слов охотников. Группа охотников потратила много тысяч долларов, чтобы поохотиться в самом отдаленном уголке земного шара. Только на авиаперелет ушло больше денег, чем на всю охоту, если бы она проходила на территории США или Канады. После нескольких дней отсутствия зверя вдруг появляется вертолет, команда которого сообщает, что есть лось, но на соседней территории. Слишком далеко, чтобы идти пешком, но вполне достигаем на вертолете. Перед охотниками стоит дилемма: вернуться из России с пустыми руками или заплатить за преследование лося на вертолете. Почти всегда вертолетчики собирают огромную сумму долларов, и «охота» завершается быстро и удачно.

Вначале случаи такого подхода были вызваны непрофессионализмом фирмы, проводившей охоту и помещавшей охотников на неподходящую территорию, теперь такое использование вертолетов становится необходимым ключом к успеху. Я могу привести несколько примеров, опять же на Камчатке, когда резкое снижение численности медведей приводит к тому, что охотники в течение тура их просто не встречают. Затем, перед отъездом, медведей выселяют с воздуха. И опять дилемма перед охотниками: ехать домой с пустыми руками после траты стольких тысяч долларов или же выбрать это неэтичное, но реальное решение проблемы.

Все это написано об американском взгляде на русскую охоту с целью показать некоторые случаи нарушения этических норм в русско-американском охотничьем бизнесе. Я надеюсь, что мы все задумаемся и, как охотники, обсудим между собой вопрос: где заканчивается традиционная и этическая охота и начинается чистый отстрел животных ради бизнеса?

Я не только чувствую моральный долг задать этот вопрос, но и есть реальная необходимость, для новых «бизнесменов охоты», решить, как лучше продавать русскую охоту иностранцам: просто продавая зверя — распространенный подход или продавая процесс охоты, включающий экстримы и трудности.

ЭТО ОХОТА ИЛИ БРАКОНЬЕРСТВО?

Недавно в программе американского телевидения о медведях были показаны кадры, в которых вертолет Аэрофлота был использован для преследования медведей на Камчатке. Несмотря на то что не было ни одного кадра, показавшего отстрел медведя с вертолета, эта телевизионная программа показала стволы ружей, выставленные из вертолета, и также показала несколько туш медведей, лежавших рядом с вертолетом.

Недавно вышедшая книга «Узы крови» подробно рассказала об охоте с вертолета на снежных баранов в Якутии. Автор книги Тед Керосейт, хорошо известный американским читателям, участвовал в охоте, но не стрелял. Он наблюдал и записывал, как проводились неспортивные, неэтичные и нелегальные охоты. Некоторые американские клиенты, как и якутский устроитель охоты, представлены на страницах книги как особо активные участники в стрельбе по зверю с вертолета.

РАЗРУШАЯ РЕПУТАЦИЮ РОССИИ

Книга «Узы крови» и публикации некоторых других инцидентов в журнале «Хантинг Репорт» принесли много вреда репутации и престижу не только российской управлению охоты, но и всем охотникам России. Мнение, что Россия — это страна, где отчаянные любители туризма, не боясь холода и дикой природы, отправлялись на охоту с минимальным количеством вещей и после изнурительного преследования добывали зверя со старым карабином, — такое мнение изменилось после того, как они увидели падких на доллары людей, готовых сделать все, что угодно, ради денег.

Некоторые компании, которые потеряли часть своего охотничьего бизнеса из-за России, в последние годы используют репортажи о нелегальной охоте в России, чтобы вернуть охотников обратно на Аляску. Закон Аляски говорит, что охотник не имеет права охотиться в тот день, когда он находится на борту самолета или вертолета. Конечно, почти невозможно проконтролировать этот закон на такой огромной территории, как Аляска, но многое было сделано, чтобы сократить «воздушную охоту». Можно сказать, что охота на Аляске пользуется всеобщим уважением среди охотников всего мира, как честная и равноправная борьба, причем трофеи Аляски приобретают все большую ценность среди охотников мира, в то время как русские трофеи теряют свою ценность в большей мере из-за репортажей о неэтичных методах охоты. Дело не в том, что такое не случается на Аляске, а в том, что русские егеря и руководители открыто разрешают и даже предлагают неэтичную охоту.

Такая деятельность создала новое клише — «Сафари по-русски», обозна-

чающее механизированные способы охоты, не ограниченные вертолетами. Некоторые могут подумать, что это всего лишь временный юмористический термин для американцев, но существует так много сообщений о такой охоте, что, я боюсь, он станет постоянным термином разговорного языка американских охотников. Майский номер журнала «Хантинг Репорт» 1995 года опубликовал впечатления Джозефа Грахама, охотившегося севернее Хабаровска в апреле 1994 г. Он вспоминает, что с основным видом охоты было Сафари по-русски, т. е. катание с начальством на военной машине и «пальба» во всех животных. Один из убитых медведей был продырявлен столькими пулями, что невозможно было определить, чей это трофей. Как бы отвратительно это ни звучало, самой большой проблемой являются те клиенты, которые молча принимали участие в такой аморальной охоте, получили трофей и продолжали молчать, платя за такую охоту, и пропагандируя ее.

КАМЧАТСКИЙ МЕДВЕДЬ — 5 ЛЕТ 100 % УСПЕХА!

Так звучит реклама на страницах западных журналов по охоте. Рекламодатель, компания, расположенная в Восточной Европе и имеющая офисы в США, заявляет в своих планах проводить больше охотничьих туров по СНГ, чем любая другая компания. Позвольте, в таком случае, задать вопрос читателям «Охоты» — как это может быть. Всем известно, что не все американские охотники умеют кататься на лыжах. Многим не позволяет физическое состояние охотиться ранней весной на Камчатке. И опять же погода под вопросом. Как могут быть достигнуты 100 % успеха в таких природных условиях?

Я думаю, читатели теперь смогут ответить на этот вопрос. Можно согласиться, что не все охотники убили своих медведей, подкрадываясь к ним, или провели основную часть десятидневного тура на лыжах. Как широко распространен способ охоты с вертолета в России? Я не знаю, но следует помнить, что он широко применяется на Камчатке. В дополнение к рекламе о 100 % успехе давайте проанализируем следующие случаи.

Охотник Стивен Рад из г. Бойза штата Айдахо сообщает, что русско-американская охотничья компания, которая организовала для него охоту на медведя на Камчатке, попросила его взять с собой на Камчатку 3300 долларов. Эти деньги нужно было передать «вертолетчику», т. е. предыдущий клиент использовал вертолет на эту сумму. Мистер Рад говорит, что, в его случае, с русской стороны не было сделано попыток традиционного проведения охоты на медведя, все действия были направлены на использование вертолета в течение одного-двух дней, чтобы он наверняка добыл зверя. О своих впечатлениях о русской охоте он пишет в журнале «Хантинг Репорт»: «Многие

Так заканчивается традиционная и этическая охота на медведя в России

Фото Р. Дормидонтова

американские охотники были вынуждены использовать вертолеты, чтобы охотиться на медведя таким неспортивным образом...»

Другой случай. Я отправил трех клиентов в один район Камчатки, и каждому из них предлагали использовать вертолет для поиска и затем посадки рядом с медведем, чтобы побыстрее завершить охоту. Все отказались. Эти предложения были сделаны моим клиентам, хотя директор хозяйства это полностью отрицал. Кто же виноват, «вертолетчики»?

Некоторые американские компании перестали отправлять охотников в Россию, несмотря на то, что они продолжают организовывать охотничьи экспедиции почти по всему миру. Для этого есть несколько причин, но охота с вертолета является основной. Руководители этих компаний не только считают, что такая деятельность снижает ценность русских трофеев, но они также боятся, что организация охоты в России испортит репутацию их компаниям и им лично. Бывший президент МКС, который имел отношение к бизнесу русской охоты для американцев, пишет, что его неспособность положить конец «вертолетной охоте» вынудила его совсем уйти из этого бизнеса.

ЗАКОНЧИЛАСЬ ЛИ ОХОТА АМЕРИКАНЦЕВ В РОССИИ?

Многие вопросы и проблемы явились причиной снижения интереса американских охотников к охоте в России. Кто-то, может быть, скажет, что это не проблема, пусть американцы охотятся дома, а в России пусть охотятся русские или, может быть, европейцы. Этот вопрос не ко мне как иностранцу; уже огромное количество западных экспертов дают советы России в этом и других вопросах. Я себя в их число не включаю.

Я бы хотел отметить две неоспоримые истины. Во-первых, доход от иностранных охотников, в основном американцев, очень помог сохранить природу во многих странах от Африки до Мексики и Канады. Во-вторых, мы все живем в «век информации» и в эпоху, когда любая охота подвергается критике. Это означает, что «секреты успеха» на Камчатке или в Якутии не останутся секретными и, скорее всего, будут использованы как аргументы в пользу запрещения любой охоты. Исследования показали, что большинство людей в современном обществе не имеют определенного мнения об охоте, но их мнение может сразу же стать

отрицательным при получении доказательств о неправильном проведении охоты.

Все мы знаем, что охота является частью русской культуры, но что скажут миллионы москвичей или жители других городов о руководстве Росохотой и об охотниках вообще, когда они увидят на экранах телевизоров сцены убийства с воздуха российских медведей?

На самом деле, на решение этой проблемы может повлиять тот факт, что численность животных не сможет противостоять такой тактике; ее также может решить политика движения «зеленых» против охоты, которые внимательно исследуют обстановку в России, и общественное мнение американцев.

Позвольте мне сообщить некоторые из последних событий, касающихся этой проблемы. Во-первых, возрастает движение «зеленых», которые имеют сторонников в Государственном Департаменте США, направленное на запрещение ввоза трофеев из России и стран СНГ на территорию США. Я видел внутренний документ по этому вопросу. Такая попытка основывается на ситуации, когда Российское правительство и правительства стран СНГ не хотят или не могут охранять свои природные ресурсы. Эта группа «зеленых» однажды уже одержала юридическую победу: был запрещен ввоз в США барана Марко Поло, несмотря на то, что правительства стран Центральной Азии до сих

пор разрешают охоту на этих животных. Одержав такой успех, они сразу же выбрали себе новую цель — полное запрещение ввоза трофейных русских медведей, и, как очевидно из вышесказанного, они имеют полную возможность аргументировать свое требование.

МЕДВЕДИ ПО ОБЕ СТОРОНЫ БЕРИНГОВА ПРОЛИВА

Полезно вспомнить историю Аляски. Раньше сообщения об огромных медведях на острове Кадьяк привлекали внимание богатых охотников из «нижних 48 штатов». За короткое время самые большие медведи Аляски почти исчезли. Они были застрелены из-за своих больших клыков и тех прав, которые получает охотник, убивший такого большого и потенциально опасного зверя. Пройдет несколько десятилетий, прежде чем ликвидируется ущерб и восстановится численность трофейных медведей на Кадьяке.

Взгляд на прошлое острова Кадьяк может послужить прогнозом будущего Камчатки. Сейчас у нас есть исследование русских специалистов, которые говорят о том, что численность Камчатского медведя быстро упала. Так как основной ущерб приносит браконьерство, сама охота на медведей может стать под вопросом, который поставят не только «зеленые». Возникает вопрос, являются ли охотники и сама охота честными и этическими в достаточной мере,

чтобы продолжать охоту на медведей и одновременно сохранить их для будущих поколений.

В ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мне лично остается только удивляться, как могло так произойти, что статус самого крупного русского медведя, символа самой России, был снижен до статуса коровы — возможность быть убитым любыми способами. Статус этого животного устанавливает финансовая ценность его органов и шкуры. Неужели таково реальное состояние охотничьего бизнеса — отчаявшиеся люди, делающие отчаянное дело ради денег?

Те из нас, кто является в большей степени охотником, чем бизнесменом, должны внимательно посмотреть на себя и подумать, в кого мы превратились. Охотники по обе стороны океана тайно надеялись, что сообщения о вертолетах и других неэтичных методах охоты останутся незамеченными. Не остались. Наоборот, все больше и больше информации поступает на эту тему, и имидж охотника запятнан теми, кто, запутывая общество, заставляет его думать, что охота и браконьерство являются одним и тем же. Единственное различие в том, что одна группа имеет официальное разрешение, а другая — нет. Это приведет к тому, что все охотники заплатят своей репутацией и честью за безобразные поступки отдельных лиц.

ОХОТНИЧЬИ СОБАКИ МИРА

Арьежский брак — подружейная охотничья собака Франции, выведенная довольно давно путем скрещивания испанского и итальянского браков. В XX в. арьежский брак был об-

новлен за счет скрещивания с сен-жерменским и французским браками. Это позволило облегчить тип арьежского брака и сделать его поиск более быстрым. В России эта порода неизвестна.

Арьежский брак — крупная могучая собака, одна из самых крупных пород французских легавых, которая раньше была очень тяжелой и медлительной (высота в холке 58—68 см, вес 25—30 кг), поведение уравновешенное, но собака может иногда нападать на скот, поэтому требуется специальное воспитание и полное подчинение хозяину.

Шерсть короткая и тонкая. Окрас белый с оранжевыми или каштановыми пятнами, часто с крапом. Голова довольно тяжелая с широковатой черепной частью и несколько горбоносой мордой, на шее подвес. Уши вилящие, свернутые в складку. Хвост посажен низко, обычно купируется, как у всех континентальных легавых.

Арьежский брак применяется как подружейная собака, он неутомим, поиск его неспешный и хорошо подходит для охоты в сложной пересеченной местности. При правильном воспитании это послушная и понятливая собака и может быть хорошим компаньоном.

Л. Гибет

Микроэнциклопедия

Семенов с обложки «Роман-газеты»

Е. Евтушенко и Г. Семенов

Георгий СЕМЕНОВ

«Много раз пытался написать теплый день, набежавшее кучевое облако, притихший лес, который был все так же ясно освещен солнцем, которое не скрылось за облаком, а светило чуть сбоку этого легкого облачка или юной, не обремененной еще дождем тучки, из которой стали вдруг капать редкие и случайные капли, которые так и не стали дождем, даже не пролились на землю, а редкими, крупными градинами поцокали по листьям, по траве, светясь в лучах солнца...

Зачем мне это нужно? И кому это нужно — узнать еще раз, что дождь так и не состоялся, что солнце опять светило и ветерок опять стал шевелить ветки деревьев, трепетать в листьях, раскачивать какую-то зеленую веточку в еловых зарослях.

Для того, наверное, чтоб не забыть о своем существовании, которое тоскует в городе, не приспособленном для гармонического развития души, для того, наверное, чтоб напомнить всем о той красоте, которой они сами себя лишили...

В тщетном стремлении достичь совершенства, власти, богатства человек забывает о собственной свободе, о счастье видеть дождь в лесу и мокнуть под этим дождем или с улыбкой смотреть на редкие капли, просыпавшиеся горохом на притихший лес. Дать себе свободу быть истинно живым человеком — хотя бы в мыслях и чувствах — это в наш век очень много.

Искусство быть свободным — великое искусство, и далеко не все владеют им».

Георгий Семенов, писатель милостью божьей, владел этим искусством в полной мере.

Вот что писал он о себе:

«Было время, когда сам жил баловнем на свете, дивясь щедротам жизни, брошенным мне под ноги счастливой судьбой.

Любил и был любим, слушал музыку, шум леса и пенье птиц, не прятался от врага и с улыбкой встречал друга, прощал и был сам прощен не раз, обожал детей, и они смотрели на меня с восторгом. Грешил и каялся, заслужив на

НА ПУТИ

старости (было ему всего 55. — Е. С.) уважение в разросшейся семье, душой которой стал мой внук. Все было в жизни — радость и слезы, смех и печали.

С политикой связан не был. Охотился, рыбачил, собирал грибы, лесные ягоды и орехи, водил охотничьих собак, аквариумных рыбок и певчих птиц, а потому и не знаю, что такое застойный период. Мне многого не надо — ни тогда, ни сейчас — я неприхотлив. Мне лишь бы плотва клевала да вальдшнепы тянули...

А то все не так, все не как у людей — прожил лет тридцать и всю свою прежнюю жизнь материт последними словами. Разве так можно? Это же твоя, единственная и неповторимая жизнь, она тебе Богом дана, так ты уж постарайся нарядить ее, как елочку, всякими украшениями, чтоб она душу твою радовала. А не смел — прости: никто не виноват, кроме тебя самого. Так всегда было, так есть и будет впредь, хоть там застой, перестрой или еще что за окнами.

Другое дело, кроме внутренней свободы еще и наружная, так сказать, тоже необходима. И я за эту свободу, чтоб человек мог до доньшка проявиться, до обретення Бога в себе. Вот в чем красота перестройки нашей».

Соприкосновение с творчеством Георгия Семенова всегда — радость, произведения его отличаются благородством, высоким вкусом, подлинным мастерством, изяществом стиля.

«Гений чужд интригам и суете» — эта фраза из Руссо, как мне кажется, недаром была выписана им. Самому писателю интриги и суета были абсолютно несвойственны.

Три года работаю над его архивом, и все сильнее и глубже засасывает меня в мир его души. Сотни страниц! Грустные, радостные и тревожные, и каждая из них — как солнечный зайчик, вспыхнувший вдруг на стене темной комнаты и неуловимый.

Попалась на глаза такая запись:

«На полгода вычеркнул себя из жизни. Жил другой жизнью — писал «Вольную натаску», а теперь, вернувшись в жизнь, никак не могу приспособиться к ее ритму, войти в ее колею. И опять уже хочется уйти — удалиться в другую, выдуманную жизнь, которая ярче и богаче страстями, чем подлинная. Ужас!»

Прочла и вспомнила, как после опубликования «Вольной натаски» в «Роман-газете» посыпались письма от чи-

«Отчет» об охоте

К РАДОСТИ

тателей, возмущенные, а возмущение их было связано с фотографией на обложке — Георгия с глухарем. Его очень опечалили эти письма, потому что роман вовсе не об охоте, хотя в нем и есть «классические», как утверждали знатоки литературы, сцены охоты на глухаря, он о поисках гармонии в жизни, о людях счастливых, но несчастных и о несчастных, но счастливых... А охота — это бегство в Природу, где только и возможна та гармония, которую ищут герои.

Георгий пытался было отвечать на эти письма, но писать их было мучительно, да разве и объяснишь в двух словах то, о чем было написано на четырехстах страницах и не понятно! Но, к счастью, наброски этих ответов остались в архиве, и я беру на себя смелость опубликовать их, поскольку в них речь об охоте и охотниках, а это, как всегда, актуально.

«С удивлением узнал я, что охотники — жестокие люди! Сколько же «жестоких» людей встает в память — Лев Толстой, Тургенев, Куприн, Алексей

Толстой, — всех не перечислишь. И все они, великие писатели и страстные охотники, сумели (вопреки вашему мнению) написать много поучительного. Ошибаетесь вы, будто охотники не любят природу и птицу. Все наоборот! Кто более нежно и трепетно любил природу, чем Михаил Пришвин? Сколько прекрасного и, кстати, поучительного оставил этот глубочайший писатель людям, хотя был он охотником до самых последних дней.

Ошибаетесь вы, что глухари такие уж редкие теперь птицы! Глубоко ошибаетесь. Глухари до сих пор остаются промысловой птицей и чуть ли не в любое время года, в любой день битого глухаря можно купить в магазинах «Дары природы», где рядом с глухарями горкой лежат рябчики, куропадки, фазаны и перепела. Кстати, стоит глухарь десять рублей (написано в 1979 г. — Е. С.). Уверю вас, любому охотнику было бы выгоднее купить глухаря в магазине, чем добывать его в поте лица в лесных чащобах, куда все вместе взя-

тые критики охотников никогда в жизни не добирались и не доберутся из-за своей лени и равнодушия к той же самой природе, в защиту которой они выступают. Каждый добытый глухарь обходится истинному охотнику очень дорого — практичный человек вряд ли стал бы заниматься охотой.

И постарайтесь все-таки прочитать мой роман. Он вовсе не об убийстве глухаря, хотя там есть сцены охоты на него. Я пишу сцену охоты именно для того, чтобы сказать людям, как надо беречь эту птицу, а не для пропаганды охоты на нее. Вот ведь какие дела. Вы, вероятно, путаете охотника с браконьером.

Вот если бы «Роман-газета» поместила фотографию браконьера, тогда это было бы достойно порицания. А на обложке изображен автор, т. е. я сам с убитым по всем правилам и с разрешения охотничьего хозяйства глухарем. Я охотник! Вы можете оставаться при своем мнении, но я охотник, рыбак, страстный любитель собирать грибы и

Г. Семенов (справа). 1955 г.

Г. Семенов с дочерью на р. Великой. 1980 г.

На Рыбинском водохранилище. 1954 г.

Ст. Кушавера. Новгородская обл. Весна 1962 г.

лесные ягоды, а вы, видимо, ничего этого не любите и не знаете. О чем уж тут спорить!

Кстати, эта фотография сначала была напечатана на обложке журнала «Охота и охотничье хозяйство», а уж потом переключалась на обложку «Роман-газеты».

Все мы, особенно охотники, ведем борьбу с браконьерами, и журнал «Охота и охотничье хозяйство» идет в первом ряду борцов за сохранение красоты природы».

«Красота мира и красота человека в этом уцелевшем мире — единственная способность понять художнику себя в этом мире низких и высоких страстей (так запишет он в 1991 году).

Природу надо писать под тем углом зрения, что вот, мол, то, что удалось увидеть нам, жителям 20-го века. Дай-то Бог увидеть это и вам — жителям 21-го.

Не отвлеченная красота, а красота Земли спасет мир. Ее чистые реки, озера, ухоженные леса и сбереженная чистота городов. Это и есть истинная красота, способная спасти мир, т. е. красота Природы, колыбели и дома человечества, без которой оно мертво».

Георгия Семенова нет с нами, но слово его, как свет погасшей звезды, летит к нам сквозь пространство и время... И я надеюсь, что все мы, читатели, находимся на пути к радости еще более близкого знакомства с его прозой и с ним самим. Хочется предложить вашему вниманию зарисовки с природы, которые можно было бы назвать «Времена года», и философские размышления об охоте — «Исповедь охотника», ранее не публиковавшиеся.

Зарисовки с природы

ВЕСНА

Из-под снега земля показалась словно бы обметанная паутиной, изборожденная петлистыми мышинными ходами в слежавшейся в войлок прошлогодней траве, дырявая и, плоская, безжизненная. И не верилось, что через месяц вся она зарастет новой травой. Солнце высушило с ветром поверхность пожелклой травы, и она, как гнилое сено, хрустела под ногами. Хотя сквозь эту рухлядь уже туго зеленели курчавые побеги юной травы. Бабочки уже порхали над этим возрождающимся миром, согретье жаром весенних лучей.

Г. Семенов с женой Еленой. Внуково. 1989 г.

Орешник на закате красно-коричневый, как грудка поющего зяблика, а сережки длинные золотисто-зеленые. Зяблик сидит на ветке и поет, не замечая опасности, т. е. меня.

ЛЕТО

Вижу все время много глубокой чистой воды, в которой водятся чистые тоже, большие судаки, а я гоняю кружки и вижу перевертки. И силы во мне играют! И азарт, и радость!

«Лодка моя легка, весла большие!..» Это не лодка моя легка, она-то как раз тяжелая, а силы во мне молодецкие играют, и я делаю со своей лодкой все, что хочу, — и задом, и боком, и передом — всяк она поворачивается, поддвигается к белому кружку, который уже тащит судак, подталкивая. Слушается моя лодка и тешит душу своей послушностью и легкостью в управлении. А кружок, как живой, убегает от руки, идет на ребре, рассекая волны, будто боится моей руки. Но я-то с волнением знаю, что там, на десятиметровой глубине, бежит по дну судак, заглатывший пещарку...

ОСЕНЬ

Густой мелкий дождик в конце августа — ровный его шум. Лес в своих глыбинах сизо-зеленый, мокрый и тихий. То тут, то там сорвется желтый листик, промелькнет в дождливом воздухе. Температура приблизительно плюс 15. Но тепло, будто земля, разогретая за лето, шипит горячая под дождем и испаряется, наполняя все теплым паром. И кажется дождь благодатным, хотя и осень на носу, вот-вот пожелтеет лес и сорвется вся его листва холодными ветрами. Грустно на душе и хорошо, потому что знаешь, что в лесу стоят белые грибы. Собирать их в дождь особое удовольствие. Шляпки их лакированные от воды, они видны хорошо среди мокрой, поникшей травы и кажутся особенно привлекательными и красивыми.

ЗИМА

Шел однажды по зимнему, пегому от снега, хрусткому лесу. Голова трещала от боли, от горькой, полынной какой-то боли. Не до зайцев было. Увидел голый куст калины с налитыми гроздьями ягод и съел эти ягоды с жадностью зверя. А через некоторое время с удивлением вспомнил, что у меня недавно белела голова. Мир был чист и ясен, а сердце полно охотничьей страсти.

На склоне дня зимняя дорога блестяла двумя накатанными колеями. Солнце, казалось, оплывало заснеженный проселок. Светило оно в глаза. Старые ели по обочинам были как будто окутаны летающей в воздухе золотистой пылью. Радостно было, как если бы наступила весна, но и грустно оттого, что не скоро еще ее время.

ИСТОВЕДЬ

ОХОТНИКА

Этот костерок на лесном косогоре, возле которого ночевали мы после вечерней охоты на гусей; это бесконечное гоготанье пролетающих над нами гусиных стай, беспокорящее самые спрятанные и словно бы давно заржавевшие струны души; этот окоченевший гусь, лежащий в стороне от костра со своей словно бы озябшей, голубоватрозовой глянцевиной башкой, и тот, что ушел на заре от меня, обалдевшего от вида падающего мешка из погагивающей стаи, а потом распустивший крылья и с треском перьев в тишине, с гулом загребаемого воздуха поправивший свое гиблое тело и сумевший выйти из смертельного пике гусь, который теперь мерещится мне своим шальным полетом в сумеречном небе, закончившемся где-то за смироно светлеющими водами широких поливов, оставшихся на месте старых торфяных разрабоек... Нелепость всего случившегося мучает меня, как страшный сон, преследующий большую совесть из ночи в ночь, — все это не дает мне покоя своей бедой и своей детской радостью, этого, казалось бы, несовместимого симбиоза добра и зла. Боже мой!

Зачем же так мрачно все кончилось! Зачем же я загубил сильную птицу на пути ее к радости?

Но! Зачем же не упал он к моим ногам и почему я, обалдело смотрящий, как падает раненый гусь, не добил его вторым зарядом, оставшимся в левом стволе? Это было бы легко сделать. Он был в тридцати шагах от меня, когда распустил крылья...

Но наступила заря, и на сосновых гривах я услышала песню глухаря, этот пульс незнакомой мне жизни, которую мне зачем-то нужно было во что бы то ни стало оборвать выстрелом. Что я и сделал, радуясь безмерно и понимая себя самым счастливым и самым достойным всяческой похвалы и славы человеком.

Поверженный мной великан лежал у моих ног, перо его отливало металлом, брови алели брусничной яркостью, желтый клюв, по-орлиному мрачный и тяжелый, был полукруглым, словно недопетая песнь силилась вылиться болью и страданием из могучей груди, одетой в черно-зеленый перламутр.

Я торжествовал, как дикарь, над трупом убитого врага (которого со своими единомышленниками обязательно съем) и ждал, когда меня увидят люди, чувствуя себя триумфатором в алой одежде. В кровавой одежде победителя...

Что это за затмение такое — охотничья страсть?

Нужна ли она человеку? Добро это или зло? Или человек, проливший невинную птичью кровь, такую же горячую и липкую, как кровь человека, смиряется душой и, совершив заветное злодеяние, становится самым добрым и нежным существом на свете, кормящим бродячих собак, кошек и страдающих от морозов синиц в поползнях. Или, самый добрый и нежный, он только и ждет, когда небо огласится свистом крыльев вернувшихся уток и гусей, ждет и не дожидается, когда запоют в диковатых медвежьих борах глухари, чтобы снова поднять руку на эту жизнь, горячо бьющуюся в преддверии незнакомой ему, а потому и не имеющей никакой ценности, не освященной, непонятной птичьей любви.

Что такое — этот человек? Ошибка или норма?

Все остальные, которым незнакомы охотничья страсть, может быть, только слабая тень человека, болезненное отклонение от того генофонда, которое чревато всякими извращениями выбитых из естественной колеи, зачем-то родившихся и сгрудившихся на планете, одурманенных всякими нелепостями брэнной жизни существ, ищущих сомнительных удовольствий и наслаждений, чтобы не сойти с ума от бессмысленности своего существования?

Но, может быть, охотник — этот жизненный и счастливый — оттого и любит жизнь, оттого и прославляет ее, что ему она нужна, чтобы было кого убивать? Тоже ведь серьезный вопрос. Жить для того, чтобы убивать, и любить жизнь, которая вокруг, чтоб было что убивать... Умножать эту жизнь, беречь от браконьеров, чтобы самому иметь счастье пустить кровь и наслаждаться видом оконченной тобой жизни.

Стоит лишь подумать вот так, без романтического атавизма, об охоте, как сердце наливается тоскою и несогласием с истиной. Гоню эту правду вон от себя и никак не могу принять даже частичку ее, оправдываясь извечным и очень верным понятием, что охота — это охота. Необъяснимая и чудесная страсть участия в пире жизни, где смерть и кровь такие же равноправные участники пиршества, как и любовь к жизни, к бессмертию.

Публикация и комментарий
Елены СЕМЕНОВОЙ

Фотоконкурс «Охота и природа — 1 — 1995»

**ФОТОГРАФИРУЕТ
А. ДИГИЛЕВИЧ**

С МАНКОМ НА ЛИСИЦУ

п. ЛАДЫГА

Журнал «Охота» номер 2 за 1993 год поместил статью А. Ткаченко «С манком на лисицу». Эта публикация явилась продолжением разговора по статье Ш. Вагабова «На лисицу с манком» («Охота», № 2, 1988). Автор на опыте нескольких охотничьих сезонов изложил видение охоты «по Вагабову» в угодьях Тверской области.

Тверская и Псковская области соседствуют, в охотничьих угодьях много общего, хотя в Тверской преобладают еловые леса. Лисица многочисленна как в Псковской, так и в Тверской области.

В дополнение к статье А. Ткаченко автор излагает практические советы молодым охотникам, которые стремятся освоить этот способ охоты и, судя по письмам, идут к этому методом проб и ошибок. Чтобы познать в тонкостях охоту с манком на лисицу, получить полное представление о ней, автор подробно останавливается на тех моментах, которые в публикации А. Ткаченко были опущены.

Прежде всего нужно сказать, что на охоту с манком охотник должен выходить абсолютно здоровым, без простуды и кашля, способным без осложнений для своего здоровья простоять несколько часов на морозе с ветром, иметь хорошие слух и зрение.

Итак, начнем с выбора манка. А. Ткаченко советует приобрести деревянный покрытый лаком комбинированный манок «Диана», выпускаемый кооперативом «Прогресс» (Ук-раина). Я бы не советовал охотникам использовать этот манок для выманивания лисицы криком раненого зайца. При неоднократном использовании этого манка заметил, что лисица звук манка игнорировала и на него не выходила. При всем уважении к кооперативу «Прогресс», выпускающему столь дефицитный и нужный охотничий товар, крик зайца манком воспроизводится тяжело, и он не соответствует тембру голоса зайца. В то же время писк мыши манок воспроизводит довольно сносно и его можно использовать как пищик при охоте на лис. Предпочте-

ние все же следует отдать пластмассовому манку, состоящему из 2 половинок, кольца и латунного язычка. Но брать первый попавшийся в магазине манок не следует, его нужно выбрать «по голосу». При выборе манка из партии 10 штук, как правило, только 2—3 соответствуют тому, чтобы их использовать на охоте. Остальные, к сожалению, бывают с заводским браком из-за некачественной штамповки латунного язычка, его вогнутости, плохой пригонки пластмассовых половинок. Такие манки полностью искажают голос и к охоте на лисицу абсолютно не годятся. Проверено, что правильная подача сигнала хорошим манком не отпугивает лося, привлекает ворон и сов. Однажды в вечерних сумерках крупный бык против ветра подошел стороной к моей засидке на расстоянии 30 м и спокойно кормился в кустах в течение 5 минут, совершенно не реагируя на раздавшийся рядом крик зайца. Затем он также спокойно удалился. Сова дважды в вечерних сумерках прилетала на крик зайца на засидку, назойливо баражируя на

Зимой у солонца

Фото А. Дигилевича

высоте 1,5—2 м над моей головой, высматривая желанную добычу. В обоих случаях стволами ружья пришлось ее отогнать. В лесу днем хорошо реагируют на звук манка охотничьи собаки, в частности лайки.

При покупке манка прежде всего обратите внимание на латунный язычок. Он должен обязательно располагаться посередине, т. е. на равном расстоянии между пластмассовыми половинками, и быть без вогнутостей. Кольцо на корпусе от вертикальной плоскости среза манка до ближайшего края кольца составило 3 мм, это позволит вам правильно воспроизводить тембр голоса зайца. Большой и указательный пальцы правой руки должны ложиться на корпус манка с боков по линии соединения пластмассовых половинок. Во время подачи сигнала эти пальцы не должны отрываться от корпуса манка. Концы манка во рту с небольшим усилием сжимаются зубами, и со средним усилием нужно дуть в манок, поочередно разжимая и сжимая кулак. Научитесь точной подаче сигнала имитирующего крик раненого зайца. Звук «уэ» создается манком так: «У» — при закрытом кулаке, «э» — при открытом, причем «У» длиннее по звучанию, а «э» короче. К концу сигнала звуки должны затихать. Вагабов писал, что нужно дуть 3—4 раза, но можно 5 и 6 раз; лисица успешно выходит на крик зайца в такой продолжительности. Тренировками сначала добейтесь подачи сигнала в 3—4 раза, затем переходите на 5 и 6 раз, хотя это вызовет затруднения, поскольку одного вдоха, чтобы выдуть сигнал 5 или 6 раз, хватать не будет. Нужно научиться охотнику во время подачи сигнала мгновенно переводить дыхание, не изменяя очередности и тональности звука.

Манок не должен как игрушка падать в руки детей и без всякой на то надобности разбираться. Избегайте касаться руками латунного язычка, так как звук манка от этого сразу искажается и его потом никак не удастся настроить. Если манок засорился, то лучше всего, не снимая кольцо с корпуса манка, промыть его струей воды из-под крана и положить на просушку в сухое место. Манок высыхает быстро и впоследствии не теряет своих голосовых качеств. При бережном обращении он послужит вам много лет. На охоте манок нужно носить в нагрудном кармане, завернув его в мягкой целлофан.

Если вы приобрели правильно изготовленный манок и научились точной имитации крика раненого зайца — это уже можно считать половиной успеха вашей охоты.

Охотник для охоты на лисицу с манком должен быть соответствующим образом экипирован. Одежда должна быть теплой и не стеснять движений стрелка. В комплект одеж-

ды должны входить: куртка на меху, шерстяной свитер, ватные брюки и шапка-ушанка. На ногах валенки армейского образца с галошами. Обязательно нужно надевать поверх одежды белый маскировочный костюм. Для охоты лучше всего подойдет ружье 12-го калибра с кучным и резким боем. Патроны снаряжать тщательно. Дробь применять № 0 или 00, помещая заряд в дробовой контейнер. Дробь пересыпать крахмалом. Стрелять придется на расстоянии до 50 метров и в морозную погоду. Крупного лисовина на таком расстоянии хорошо берет «нолевка» или «два ноля» в контейнере. В цель попадает от 7 до 11 дробинок. При чем дробинки пробивают тушку лисицы насквозь и застревают с обратной стороны под шкурой. В выборе дрови на лисицу отдайте предпочтение этим номерам.

Большую помощь охотнику в вечерних сумерках и ночью оказывает электрический фонарь. Хорошо на охоте зарекомендовал себя прожектор литовского производства марки ПО-1Б, выпускаемый Вильнюсским заводом счетных машин. Завод-изготовитель комплектует прожектор двумя съемными кронштейнами для ружей с вертикальным и горизонтальным расположением стволов, а также пластмассовым футляром для батареек. В магазине «Охотничьи товары» г. Пскова в марте 1994 г. розничная цена его составляла 32 тыс. руб. Многие псковские и заезжие охотники приобрели литовский прожектор и в выборе не ошиблись. На охоте он очень удобен. Рука с надетой перчаткой лежит на цевье, и тут же на цевье находится кнопка включателя прожектора, что позволяет произвести быстрый выстрел по освещенной лисице. Луч прожектора до 60 метров хорошо освещает в темноте цель, высвечивая глаза лисицы. При включении света бегущая лисица сразу останавливается на несколько секунд, повернувшись на источник света. Светящиеся глаза — это ваша точка прицеливания. Этих секунд достаточно для точного

и прицельного выстрела. В морозную погоду стекло прожектора необходимо обязательно защитить от запотевания, покрытия инеем и замерзания, для чего используйте глицериновое мыло. Лезвием ножа с куска мыла соскребите на поверхность стекла тонкий слой порошка. Затем мягкой тряпочкой разотрите порошок мыла на стекле. Если этого не сделать, то стекло вашего прожектора на морозе покроется густым слоем инея и замерзнет, при этом луч прожектора дальше чем на пять метров в темноту не осветит. Вы только своим слабым светом отпугнете лисицу, не осветив ее для выцеливания.

Многие охотники задают вопрос, через какие промежутки времени подавать сигнал манком? Считаю, что лучше всего через 30—40 минут. Бывало, что в вечерних сумерках лисица после подачи сигнала выбегала в первые же 1—2 минуты. Однако она может выйти через пять минут и через 10, а иногда и через 20 минут. Трижды у меня выбегала спустя полчаса. В декабре лисица выходит на манок рано, с 16 часов, в январе — с 18 часов, в феврале — с 19 часов, а в марте — с 20 часов. Очень активно лисица выходит на манок в безлунные ночи в первые два часа наступившей темноты. Это самые результативные часы охоты. Будь охотник предельно внимателен и осторожен в эти часы, удача где-то с тобой рядом. Если в угодьях имеются лисицы, то после 2-го максимум после 3—4-го сигнала (по времени 1—2 часа после начала охоты) она должна обязательно на вас выйти. Вместе с тем, однако, осмелюсь утверждать, что в ясные морозные ночи при полной луне вызвать лисицу на манок очень и очень сомнительно. Окрестность залита лунным светом, видимость на снегу прекрасная, но лисица на манок упорно не идет. В то же время при растущей или убывающей луне, постоянно закрытой тучами и только изредка проглядывающей в разрывы облаков, лисица на манок идет хорошо. Не

Очень активно лисица выходит на манок в безлунные ночи

Фото А. Кречмара

выходит лисица и при сильном ветре, когда качаются ветви и вершины деревьев. Оптимальные погодные условия для охоты на лисицу с манком можно считать следующие: температура воздуха 5—6 градусов, ветер встречный слабый 3—8 м/с, на снегу ледяная корка (наст) или уплотнившийся снег глубиной 15—30 см, который не держит лисицу и она на ходу проваливается. Шорох шагов лисицы на таком снегу слышно на расстоянии до 100 метров. На такое же расстояние слышно стучанье коготков лап лисицы по насту. По мягкому снегу лисица ступает бесшумно, как по ковру, что позволяет ей подходить к засидке скрытно и быть иногда незамеченной.

Где манить лисицу? Хорошо выбрать место для засидки на расстоянии 1,5—2 км от скотных дворов, птицеферм, свинарников, скотомогильников, привады, выводковых нор. Место должно быть выбрано с учетом преобладающих в вашей местности зимних ветров. Перед засидкой должно быть ровное поле, поляна или прогалина, которая бы хорошо просматривалась на 50—70 метров. Если через поле проходит межа, а на поляну вклиниваются кусты — это вам подспорье, путь лисицы к засидке будет проходить по ним. Ваш плюс, если по направлению дующих ветров с боков засидки имеются густые камыши, завалы деревьев, выброшенные экскаватором из

канав кучи земли, которые воспрепятствуют подходу матерой лисицы к вам из-под ветра. Подход охотника к засидке должен быть с дороги, по которой двигаются, и заранее продуман. Во всяком случае, лисица ваш след не должна обнаружить. В засидке можно стоять, но можно и сидеть. Удобна позиция и на лабазе на высоте 2 метров от земли. Накануне охоты днем должна быть в угодьях тишина (не охотиться с гончими, не заготавливать дрова и т. п.). Лисица на своем пути не должна встречать в лесу свежие следы пребывания человека.

Перед наступлением сумерек как можно тише придите на засидку. Если вы на машине, то машину оставьте не ближе чем в полукилометре от места охоты. Подготовьте прожектор, зарядите ружье, наденьте теплую куртку на меху и белый маскировочный костюм. Выждите 15—20 минут, затем подавайте негромко первый сигнал. На часах нужно засесть время и выбрать интервал для подачи следующего сигнала в 30, 35 или 40 минут. В засидке охотник не должен издавать ни малейшего шума, он должен первым услышать по шороху в кустах, стучанью коготков по насту выход лисицы. Как говорилось выше, охотник с хорошим слухом в тихую морозную погоду шум движения лисицы должен слышать на расстоянии до 100 метров. Выход лисицы бывает разным, одна выбегает

стремительно, для чего нужно быть всегда готовым произвести выстрел, другая же выходит осторожно, часто останавливается. В секторе обстрела, равном 180°, очень важно по шуму, издаваемому лисицей в темноте, определить, откуда, с какой стороны она бежит. Если вы определились, внимательно всматривайтесь в сумерки, ночную темноту. С расстояния 50—60 м силуэт на снегу в темноте кажется размером с кошку, так как темнота скрадывает ее размеры. Если у вас надежное ружье 12-го калибра, освещайте и бейте лисицу с 40—50 м. С ружьем меньшего калибра подпускайте ее ближе на дистанцию 30—35 м. Если не шевелиться, да еще если надеть белый костюм, то лисица может подойти к засидке даже на 15 м.

Очень часто старые лисицы стараются обойти засидку и зайти из-под ветра. Надо отдать должное, что они определяют место, откуда раздался крик зайца, очень точно. Мною замечено, что из чащи старая лисица выходит под ветер на расстоянии 40—60 м от засидки и, маскируясь, начинает делать подход по кругу, лова чутьем ветер. Обнаружив первой охотника, она уходит без выстрела. Поэтому, если у вас имеется напарник и он надежный стрелок, к тому же в белом маскировочном костюме и с прожектором, то номер ему лучше всего занять на указанном выше расстоянии, тогда он будет

В. Г. САФОНОВУ — 60!

первым стрелять вышедшую вплотную на него лисицу. Здесь важен один момент — ветер на номере должен быть со спины охотника. Надо сказать, что охота вдвоем с напарником на манок добычливее, чем в одиночку. Редко на охоте с манком бывают случаи, когда в темноте в 200—300 м от засидки после подачи сигнала слышится лай лисицы. Это означает, что лисица первой обнаружила вас. Здесь могли быть следующие причины: она слышала ваш подход к засидке, встретилась с вашим следом подхода или же с другими следами пребывания людей в лесу, по неосторожности вы подшумели в засидке или же это была подача сигнала фальшивым голосом. Практика убеждает, что после лая лисицы ждать в дальнейшем в этот вечер выхода ее бесполезно, она не выйдет. Остается собраться и уезжать домой, чтобы попусту не морозиться, или переехать на другую запасную засидку.

После отстрела лисицы также желательнее использовать запасную засидку, дайте лисицам в вашей местности успокоиться. По истечении 2—3-недельного перерыва можно с успехом использовать первую засидку.

Итак, охотнику, чтобы добыть лисицу на манок, нужно учесть в этой охоте следующие моменты. Во-первых, приобрести правильно изготовленный манок, а затем научиться точной подаче сигнала имитирующего крик раненого зайца. Потом добыть хорошего боя ружья и тщательно снарядить патроны дробью № 0 или 00 в контейнере. Иметь в экипировке белый маскировочный костюм и электрический фонарь. Уметь правильно выбрать позицию под засидку с учетом направления ветра, использовать благоприятные погодные условия (температуру, ветер, состояние снежного покрова, облачность).

Невыполнение хотя бы одного из перечисленных условий сведет ваш шанс добыть лисицу к нулю, и успех может быть только случайным.

Директору Всероссийского научно-исследовательского института охотничьего хозяйства и звероводства ВЛАДИМИРУ ГЕОРГИЕВИЧУ САФОНОВУ исполнилось 60 лет. Приобщение к профессии, которой он навсегда остается верен, началось в 1953 г. в стенах Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова, на кафедре биогеографии географического факультета. Боевым крещением были две арктические экспедиции Института Арктики и Антарктики — на Новосибирские острова в 1956 г. и Баренцево море, на Шпицберген в 1957 г. Защищена дипломная работа «Роль кормовых и ледовых условий в распределении птиц и млекопитающих Баренцева моря», но в заветный Институт Арктики и Антарктики Главморсеплуты (г. Ленинград) выпускник В. Г. Сафонов не попал. В 1958 г. проходила реорганизация этого института, создавался Институт полярного земледелия в г. Норильске (ныне НИИСХ Крайнего Севера). Посвящение в охотоведы произошло с распределением во ВНИИ животного сырья и пушнины (так тогда назывался ВНИИОЗ им. проф. Б. М. Житкова). Но вместо г. Кирова, куда в это время перебазировался институт, пришлось ехать в экспедицию по организации коопзверопромхозов в Ханты-Мансийский н. о. Только через 5 месяцев оказался В. Г. Сафонов — младший научный сотрудник лаборатории акклиматизации ВНИИЖП — в Кирове. Но судьба бросила его из холодной Арктики в жаркую

Среднюю Азию, в дельту Аму-Дарьи, а затем на оз. Балхаш. Он еще застал пору «золотой лихорадки» в этих местах, но ондатровой эльдорадо уже шло на убыль, Арал начал высыхать, а дельта Аму-Дарьи — засолоняться. Параллельно с изучением ондатры в Средней Азии и в дельте Волги в 1959/60 г. начались работы по изучению речных бобров. Привязанность к этому объекту Сафонов сохранил до настоящего времени. Полевые работы в Кировской, Пермской и других областях Европейской России, в Белоруссии завершили кандидатскую диссертацией в 1967 г. В 70-е годы В. Г. Сафонов параллельно с педагогической работой на факультете охотоведения Кировского сельскохозяйственного института, где он читал разработанный им курс экологии и зоогеографии, а также биологии и систематики промысловых зверей, занялся изучением влияния трансформации лесных экосистем вследствие рубки леса на охотничьих животных и динамику их кормовых ресурсов. Вернувшись снова во ВНИИОЗ в 1973 г., он и здесь руководил аналогичной темой, в течение 5 лет выполнявшейся институтом и его отделениями. Но привязанность к бобрам сохранилась, только в 70—80-е годы больше внимания уделялось канадскому виду, его расселению и изучению на Камчатке, в Хабаровском и Приморском краях. Многолетний период исследований завершился защитой докторской диссертации на тему «Опыт и теория управления ресурсами охотничьих животных на примере речного и канадского бобра».

В течение почти всей своей трудовой жизни В. Г. Сафонов сочетает научно-исследовательскую и педагогическую работу с организационной: зав. кафедрой биологии зверей и птиц, декан факультета охотоведения КСХИ, зам. директора по научной работе и директор ВНИИОЗ.

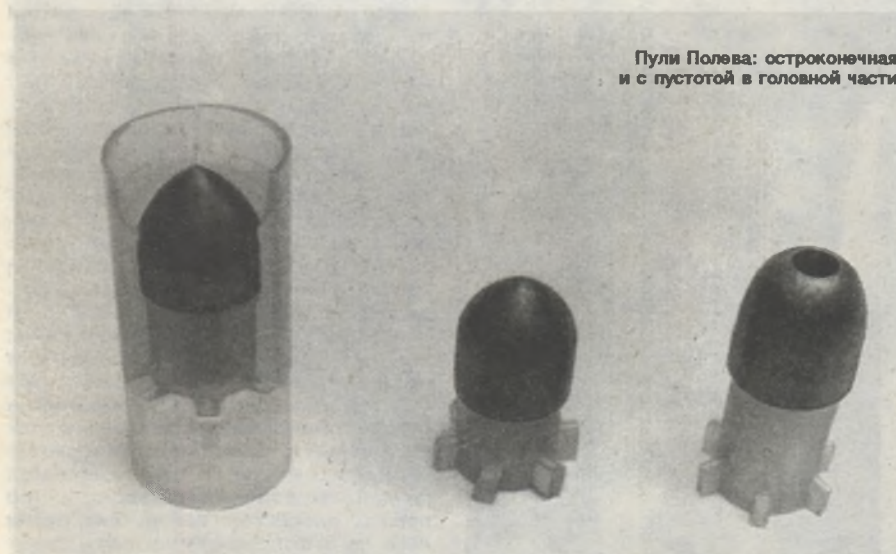
Немало сил отдано изучению зарубежного опыта. В. Г. Сафонов — участник 7 международных конгрессов биологов-охотоведов и специалистов международной пушной ассоциации. В России и за рубежом им и с его участием опубликовано более 100 работ, в том числе книг и монографий. Помимо чисто научных публикаций, его перу принадлежит ряд работ, посвященных организации науки, экономическим проблемам отрасли, зарубежному опыту, методике преподавания и вопросам подготовки кадров.

В. Г. Сафонов награжден орденом «Знак Почета», юбилейной медалью «За доблестный труд», является почетным членом Росохотрыболовсоюза и заслуженным работником охотничьего хозяйства РФ.

ПУЛЯ ПОЛЕВА

А. ВАРНАКОВ, охотовед отдела
охотничьего хозяйства МООиР

Пули Полева: остроконечная
и с пустотой в головной части

Мое первое знакомство с пулей В. Полева состоялось осенью 1986 г., когда я был в экспедиции в Вологодской области. Это была модель № 1, появившаяся тогда в продаже. На первый взгляд ничего особенного в этой пуле не было, и я отнесся к ней с большим недоверием, так как незадолго до этого проводил испытания «Кировчанки» по мишеням и при отстреле копытных животных, результаты которых меня не удовлетворили. Стрельба «полевской» пулей по мишеням с дистанции в 50 м, из ружья ТОЗ-34, показала неплохую кучность — 11—12 см.

По возвращении в Москву меня познакомили с автором этих пуль В. В. Полевым, который рассказал о своих новых разработках, продемонстрировал образцы и отстрелянные мишени. Объяснил тонкости в технологиях снаряжения патронов, применяемых боеприпасов и оружия. В итоге беседы была достигнута договоренность о проведении полевых испытаний новых моделей пуль при отстрелах копытных животных. Были испытаны модели № 1 стрелочного типа с пыжом-обтюратором: 12-го калибра весом 30 г (М № 1), утяжеленная весом 32 г (М № 1Т) и тяжелая весом 34 г (М № 1Т), 16-го калибра весом 27 г. Модель № 2 стрелочного типа с отделивающимся пыжом, все 12-го калибра. Модификация М № 2П (обозначение, принятое при испытаниях) остроконечная весом 27 г, использовалась как пристрелочная. Экспансивная модификация весом 28 г (М № 2Э) с отверстием в головной части диаметром 4,3 и 3,6 мм.

Пули модели № 1 весом 32 и 34 г использовали для ружей с горизонтально расположенными стволами как для пристрелки, так и на охотах. В результате испытания в тире и на стрельбище патронов с пулями модели № 2 было установлено, что баллистика остроконечных пуль и экспансивных — одинакова, и поэтому впоследствии пристрелку ружей производили только остроконечными, которую мы назвали «пристрелочной», и она получила обозначение М № 2П, а экспансивная — М № 2Э.

При испытаниях применяли самое разнообразное оружие: двустволки 12-го калибра с горизонтально расположенными стволами — ИЖ-54 и ИЖ-26Е. Двустволки с вертикально расположенными стволами 12-го калибра — ИЖ-12, ИЖ-27, ТОЗ-34, МЦ-6, МЦ-8, МЦ-108. Охотничье ружье «Вальмет» (Финляндия) 16-го калибра. Одностволки 12-го калибра МЦ-21-12, ИЖ-18, «Винчестер-1200».

Стрелковые испытания проводили в закрытых тирах и на стрельбищах для подбора оптимальных зарядов, определения кучности боя на различных дистанциях и выявления максимальной дальности стрельбы, допустимой в условиях охоты, а также в лабораторных условиях определялись начальные скорости пуль модели № 2 — пристрелочной и экспансивной.

Полевые испытания были проведены на охотах по копытным животным в различные сезоны года, где учитывались дистанции стрельбы, расположение зверей к стрелку и их поведение в момент выстрела, а также места па-

дания, характер нанесенных внутренних разрушений.

Патроны снаряжали по рекомендациям В. Полева.

Гильзы использовались только пластмассовые: для ружей марки ИЖ — тонкостенные, выпускаемые Бийским заводом; для ружей марки ТОЗ, иностранных образцов — тонкостенные, завода АЗОТ. Перед снаряжением гильзы подбирались по внутреннему диаметру. В качестве эталона брали пыж-обтюратор от пули М № 2 или же пулю с пыжом М № 1 и, вставив в гильзу, прогоняли до дна, после чего через отверстие для капсюля металлическим прутком (Ø 5 мм) выталкивали обратно. Гильзы рассортировывались на три группы: малого диаметра («очень тугие»), средние («тугие»), большого диаметра («слабые»). Использовали под зарядку пуль гильзы со средним диаметром. Обычно из упаковки в 100 шт. таких гильз набирается 35—40.

Капсюль «Жевело» применяли марки «М» (мощный), дающий большой факел и работающий практически без осечек. При отсутствии таких капсюлей можно применять марки «Н» (неоржавляющий), но при этом для увеличения факела следует подсыпать в капсюль дымного пороха, заполнив внутреннюю полость капсюля.

Патроны снаряжались бездымным порошком «Сокол» с максимальным зарядом для 12-го калибра 2,3 г. Пороха с другими максимальными навесками (2,1 или 2,2) дают нестабильные результаты при стрельбе, так как работают более резко. Нельзя применять пороха марки «Сунар» или «Барс», а также других марок из-за того, что они развивают очень высокое давление в патронниках и вызывают деформацию снаряда (пули). Это в итоге сказывается на кучности. Пороховой заряд отшивали на весах в зависимости от модели пули: под пулю М № 1 — на 0,2 г меньше, чем было указано на банке для 12-го калибра, то есть 2,1 г. Пули № 2 заряжали сериями: под пулю М № 2П (пристрелочная) весом 27 г применяли заряд в 2,7 г; под пулю М № 2Э (экспансивная) — для лета брали заряд в 2,5 г, для зимы — 2,6 г.

Перед зарядкой все пули были взвешены с точностью до 0,05 г и рассортированы по весу. Для снаряжения патронов одной серии использовали пули определенного веса (с разбросом ± 0,1 г). Пули авторского изготовления имеют разброс 0,4 г (т. е. ± 0,2 г), в серийных, купленных в магазине, разница в весе отдельных пуль достигает 1,5—2,0 г.

Пули досылали до пороха наваинком без сжатия. Готовые патроны не закручивали. Подобная тщательность и

точность снаряжения патронов обеспечила стабильность боя. Готовые патроны выдавали испытатели перед отстрелом в зависимости от имеющегося у них оружия, а затем проводили пристрелку всех ружей на дистанцию 100 м.

Лабораторные испытания патронов, снаряженных этой пулей (партия 10 шт.), показали начальную скорость от 495 до 507 м/с.

Результаты пристрелки без подбора пуль по весу показали достаточно высокую точность и кучность: разброс пуль модели 1 на дистанции 100 м составил 9—10 см; по сравнению с обычной М № 1 тяжелая пуля показала также высокую кучность из всех систем ружей, но легла на 10—12 см ниже точки прицеливания (заряды пороха для обычной и тяжелой пуль были одинаковы). При увеличении зарядов пороха до 2,5—2,6 г под тяжелую пулю эта разница исчезала, но при этом увеличивалась отдача. На охотах использовались патроны с нормальными зарядами пороха (согласно рекомендациям), но при стрельбе свыше 70 м делали соответствующие поправки при прицеливании.

Модель № 2 (экспансивная) — при пристрелке по мишеням с различными отверстиями на дистанции 100 м значительной разницы в кучности не установлено.

Полевые испытания этих пуль при отстреле копытных животных проводили в Прибалтике, Вологодской, Тверской, Московской и других областях в различные сезоны года. Объектами охоты были лось, кабан, марал, европейский олень, пятнистый олень, косуля. Всего добыто более 600 зверей. Охоты проводили различными способами: облавные, с подхода, из засидки. Стрельбу старались проводить на дальних дистанциях: 40 % зверей добыто от 70 до 100 м, 15 % зверей — свыше 100 м. В основном применяли модели № 1 и № 1Т, № 2Э, для отстрела косуль — № 2П. Все пули показали высокий поражающий эффект.

Поражающее действие пуль М № 1Т очень высокое, но следует отметить, что около 40 % пуль прошло навывлет (лось), а остальные пробивали тушу зверя насквозь и оставались под кожей. Извлеченные пули были деформированы.

Пули М № 1 (обычные) при стрельбе сбоку прошивают зверя навывлет и очень редко остаются в туше.

Экспансивные пули М № 2Э с малым диаметром отверстия деформируются меньше, обычно приобретают грибовидную форму при попадании в мягкие ткани. При попадании по костям примерно $\frac{1}{3}$ тела пули разрывается на осколки, которые наносят тяжелые повреждения внутренним органам. Пули с увеличенным отверстием деформируются в большей степени, и около половины их разрывалось на осколки, нанося очень тяжелые повреждения внутренним органам.

Серийное производство пуль Полева налажено на Кировском заводе охот-

ничьего и рыболовного снаряжения. Выпускают в настоящее время две модификации: модель № 1 и модель № 2 остроконечную (Полева-2). Эти пули имеют значительные допуски в весах характеристиках. Испытания пуль серийного выпуска после их сортировки по весу дают хорошие результаты на стрельбище и охотах. Разброс серийных пуль по сравнению с авторскими на дистанции в 70—80 м на 2—3 см больше. На охотах этими пулями можно вести эффективную стрельбу на дистанциях до 100 м моделью № 1, а моделью № 2 — до 120 м.

В последнее время в продаже стали появляться пули Полева, изготовленные различными кооперативами с нарушениями технологии производства и применением низкокачественных материалов. Естественно, эти изделия лучше не приобретать, так же как и самоделки различного рода.

Для пулевой стрельбы лучше брать гладкоствольное оружие с вертикально расположенными стволами или одноствольное. При этом надо обращать внимание на сверловку, а у двустволок и на спайку стволов. У автомата типа МЦ-21 следует проверять подвижность ствола, который должен ходить по пазам ровно и без всякого люфта. Некоторые охотничьи ружья из-за заводских дефектов стволов вообще невозможно пристрелять пулями.

После года испытаний пуль В. Полева из различных моделей охотничьего оружия автором было выбрано одноствольное ружье ИЖ-18 12-го калибра, дульное сужение — 0,3 мм. На него был поставлен кольцевой прицел, позволяющий корректировать точку попадания по вертикали и горизонтали. Мушка тоже заменена. Это оружие давало разброс пуль на дистанции 100 м — 65 мм, а на дальности 150 м — 85 мм (серия из 5 выстрелов).

К сожалению, наша промышленность не выпускает экспансивных пуль и для увеличения поражающего действия имеющихся пуль можно произвести их доработку. Самый доступный способ — это сделать на свинцовом теле пули крестообразный надрез острым ножом на глубину 4—5 мм. При этом если операция сделана аккуратно и без перекосов, надрезов, то разброс пуль увеличится ненамного (на 3—4 см на дистанции в 50 м).

Второй способ — сделать пулю с пустотой в головной части. Для этого в головной части пули сверлят отверстие диаметром 3,5—4,5 мм на глубину 5—7 мм. Это лучше всего сделать на станке. Подобная доработка не повлияет на точность стрельбы.

Следует напомнить, что стрелять экспансивными пулями можно лишь на чистых местах. При стрельбе через ветки, высокую траву, кусты используйте пули первой модели.

В заключение можно сказать следующее.

Пули инженера В. В. Полева обладают высокой точностью и стабильностью боя. Среди имеющихся охотничьих пуль,

выпускаемых нашей промышленностью, данные пули не имеют аналогов по точности, стабильности, дальности и поражающим действиям на дистанциях 100 и более метров (на добычу одного зверя при испытаниях затрачивали 1—2 патрона). Обладая более высокой скоростью, чем другие типы пуль, и достаточной массой, данная пуля наносит зверю тяжелые ранения и обеспечивает прекрасное останавливающее действие. Особенно это относится к модели № 2 экспансивного типа.

Применение этих пуль в практике охоты в значительной степени повысит эффективность использования гладкоствольного оружия при отстрелах крупных копытных и хищных животных. Высокая точность попадания в значительной мере снижает количество подранков (примерно в 2—3 раза).

Для большей эффективности и облегчения прицеливания следует оснащать охотничье ружье простейшими прицельными приспособлениями — открытым прицелом, с регулировкой по вертикали и горизонтали. Для предельных дистанций желателен оптический прицел (2—4-кратного увеличения), обеспечивающий точное прицеливание, а следовательно, и поражение зверя по месту. Для получения хороших результатов на охотах необходима обязательная пристрелка оружия этой пулей.

Данная пуля применима для различного охотничьего оружия с любыми дульными сужениями (ружья с цилиндрической сверловкой дают нестабильный бой). Особенно хорошие результаты получены при использовании одноствольных ружей.

В настоящее время следует выпускать все модели пуль для использования их в зависимости от условий охоты, а также при добыче различных видов дичи. Применение облегченных остроконечных пуль позволит отстреливать крупную птицу (гусь, глухарь), а также лисиц. Применение экспансивных пуль в значительной мере повысит эффективность охоты на крупных зверей.

ОХОТА И РЫБОЛОВСТВО В РОССИИ

6—10 февраля 1996 года
в Москве проводится первая
Московская международная
выставка

*“Охота и рыболовство
в России”.*

ВВЦ, павильон № 4
Тел.-факс (095) 187-93-46.

ЯНЧЕН

Валерий ЯНКОВСКИЙ

Страницы прошлого

Под невысоким перевалом между двух озер, в полуверсте от берега моря приютился хуторок из двух крытых соломой фанз старого Кима по кличке Аха-Чирон. Более двух десятков лет этот малолюдный уголок Северо-Восточной Кореи был любимым местом нашей охотничьей семьи. Весной — стаи гогочущих гусей, свист и криканые уток, белоснежные косяки лебедей. Осенью на снятых полях — пестрые выводки фазанов: строгие, всех цветов радуги, с торчащими длинными хвостами пегухи и светлые розовато-бежевые курочки; палевые, с белыми «салфетками» вокруг хвостика косули, сероватые барсуки и еноты и огненные лисицы... Все это ассоциировалось со словом «Янчен».

Сначала добирались туда верхом на скакунах с бывшего отцовского конного завода и сивых забайкальских лошадаках, оставленных атаманом Семеновым; потом — на оставшемся от проданного ледокольного катера гребном с парусом вельботе. Но не под силу оказалось обнищавшим беженцам путешествовать пешком с двухколесной корейской арбой, запряженной рыжим быком, — лишь бы добраться вовремя в вожделенный Янчен. К слову, вовсе не Янчен, а Ёнджон. Но так впервые услышал это название наш отец, так его и окрестил. Оно стало нарицательным. Это рыбачий поселок на берегу бухты на северо-восток от Сейсина, где, бежав с родины, наша семья прожила первый десяток лет эмиграции.

Берегом от Сейсина до Ёнджона всего километров двадцать, но там лишь козы тропки — сплошные скалы. Шоссейная дорога описывает большую дугу, преодолевая единственный доступный перевал. Иной проезжей дороги нет.

Следующим за пешим этапом стал велосипедный. С грузом провизии и патроном молодежь с собаками катила по шоссе. Стоя на педалях, взбирались на подъем с юга и, тормозя ножным и ручным тормозами, скатывались на северный склон долины Ёнджона. Дядька Виктор так жалел свою молоденькую сучку Ладу, что, запеленав в одеяло, приторачивал ее поверх мягкого рюкзака на багажнике, терпеливо перенося насмешки попутчиков. А зачинщик всяких экспромтов брат Арсений придумал еще и стрельбу с велосипеда. Заметив на обочине ворону, кричал: «Смотрите!» и — бах! — снимал из двустволки зажавшуюся хищницу, как из пистолета, с вытянутой правой руки.

Вскоре многие переняли этот довольно сложный трюк...

Наконец накопили денег на старенький автомобиль «шевроле». Этот допотопный рыдван с деревянными спицами, брезентовым верхом и двумя откидными сиденьями поднимал по перешнм меркам невероятное количество груза. На мощный задний багажник привязывали корзины и мешки с посудой и продуктами, занимали все семь мест, часто с собаками на коленях, и — в путь. А обратно с мешками, набитыми дичью и тушами косуль, на багажнике и крыльях. Несуразная, но сильная, высокая на ходу машина запросто сворачивала с тракта и петляла тележными проселками и до фанзы Аха-Чирона, въезжая во двор, огороженный высоким, сплетенным из лозы забором.

Мы знали всех членов этой гостеприимной крестьянской семьи по именам, как и они нас. Нам отводили одну, а то и две гостевых комнаты. Весной в Корее часты тихие, теплые утренние часы. Во время завтрака все сидели при открытых дверях, чтобы не прозевать гусей, а хозяйские мальчишки зорко следили за небом. Арсений, тоже еще совсем мальчишка, только что очистил горячее вареное яйцо, когда истошный крик: «Киреги, киреги! — Гуси, гуси!» — заставил всех, схватив ружья, выскочить во двор. Брат влопыхах, не зная куда деть, сунул целое яйцо в рот и тоже спрыгнул с крылечка. Стая шла высоко, но он не сдержался. Выпалил впустую, но от отдачи в шеку яйцо вылетело изо рта и под общий смех запрыгало, покатилося по утрамбованному глинобитному полу двора...

Через несколько лет за овражком напротив заимки Кима мы построили собственный охотничий домик. Оштукатуренный, под оцинкованной крышей. С кухней, столовой-спальной с длинными общими нарами наподобие маньчжурских таежных зимовий, с кладовой, оборудованной стеллажами и крючьями для развешивания всякой дичи. И даже отдельной спальней для «охотниц»: жен, сестер, подруг. Они варили ароматнейший фазаный суп, жарили яичницу, свежую рыбу, что приносили рыбачки; готовили в кипящем бобовом масле устриц мидии, которых корейки почти каждое утро доставляли в огромных долбленых корытах на головах.

В трехстах шагах от домика — перевал. На нем вдоль круглого гребня, раз-

деляющего Первое и Второе озера, цепочка засидок, выкопанных и замаскированных кустарником. Там во время весеннего перелета сидели от зари до зари. Из-за кустов выглядывают шапки, фуражки и шляпы стрелков, большинство с биноклями. Все глядят на юго-запад, где за круглым Первым озером, похожий на булку хлеба, протянулся мыс Турек. Именно над ним время от времени появляется едва заметное облачко, которое растет... а скоро можно уже различить приближающуюся стаю. И первый, заметивший ее, взволнованно кричит: «Караул, гуси с фронта!» Шляпы и фуражки исчезают, охотники, присев на сноп соломы на дне засидки, затав дыхание, глядят уже сквозь кусты орешника и молодых дубков. Щелкают предохранители и взводимые курки двустволок начала века. А стая, переговариваясь, извиваясь и перестраиваясь, все приближается...

А иногда вдруг испуганный крик: «Караул, сзади!» — это летят местные, прикормившиеся на Втором озере утки или гуси.

Порою группа молодежи отправляется в дальний поход — на Третье, Четвертое и Пятое озеро. Но — никогда на Первое. Там кормовая база. В него впадает поросшая ивой и ольхой порядочная речка, оно окружено зарослями камыша и осоки. Это станция и базар пролетной птицы. Пролетные стаи, заметив сидящих на льду и на воде сородичей, начинают перекликаться, делать над озером круги и вдруг, как с подломленными крыльями, буквально падать на лед или на воду. Их разговоры слышны с попутным ветром и день и ночь. Непуганные, они тронутся утром низко, пройдут над засидками на надежный выстрел...

На Дальнем Востоке осенний перелет часто растянут, зато весенний «вал» проносится за два-три дня. Его нужно уметь угадать, это — зрелище. В течение многих часов в небе беспрерывно движутся табуны, один за другим. Это чудо, музыка, концерт для охотника! В зависимости от погоды порою идут в поднебесье недосыгаемо, а бывает... В одно пасмурное утро мы стали свидетелями массового пролета утки. Огромные стаи, словно тучи, вырастали над горбом мыса Турек; часть опускалась на озеро, но основная масса мчалась к нашему перевалу: кряква, шилохвость, касатка, свиязь, чернет, чирки, клу-бьясь, со свистом и шумом проносились

над перевалом с самой зари и за полдень, в течение нескольких часов. Незабываемое зрелище! И, конечно, громоподобная канонада...

В конце лета 1940 года в Шанхае террорист выстрелом сквозь москитную сетку в прихожей убил нашего дядю Павла Михайловича, младшего брата отца, участника первой мировой войны, георгиевского кавалера, с 16-го года провоевавшего в составе Русского экспедиционного корпуса, а после революции и до победы — во французской армии. Как майор французской службы дядя Павлик занимал ответственный пост в полиции на французской концессии, из-за чего, видимо, и погиб. Тетка просила меня приехать помочь разобраться с делами. Однако до Нового года мы с братьями и отцом пробыли на зверовой охоте в Маньчжурии, и я собрался в путь только в январе 41-го.

После таежных дебрей, снегов, жизни в зимовье и палатке такой поворот очень впечатляет. Сбрита двухмесячная уже курчавая борода, вместо меховой шапки, продымленных охотничьих куртки и брюк — шляпа, по моде тех лет длинное пальто, костюм, галстук, а вечерами смокинг с бабочкой. Из бродяги — денди. Такое чувство, верно, испытывает змея, меняя кожу...

Я доехал поездом до Сеула, а дальше на пароходе из порта Чемульпо, бухты, где сражался наш легендарный «Варяг». Шанхай производил на новичка неизгладимое впечатление. При разезде из офисов — вереницы разноцветных автомобилей стук встук ползут, как громадный удав. Роскошные отели и клубы. Рослые, как на подбор, полицейские индусы в белых чалмах у моста на одной стороне канала и застывшие с примкнутыми штыками японские солдаты в хаки у въезда на другой. Море людей, говорящих на разных языках.

Днем в делах. Вечерами в гостях, клубах, дансингах, где разодетые партнерши для танцев — представительницы Европы и Азии — сидят под пальмами в ожидании гостей, на выступлениях боксеров, на испанской профессиональной игре хай-алай (типа тенниса), на собачьих скачках. Словом, в полном смысле попал с корабля на бал!

Япония уже несколько лет воевала с Китаем. В Корею сильно ощущались трудности военного времени. С боеприпасами особо. А наша полупрофессиональная охота требовала постоянного пополнения. Мне удалось приобрести порядочную партию необходимых к нашим английским винтовкам Ли Энфилд новеньких патронов, купить бельгийский карабин маузера и — уже, как роскошь, для себя лично — несколько коробок дробовых патронов марки «Диана» к браунингу 16 калибра: четверку на утку и два нуля на гусей, отличные патроны по 25 штук в коробке.

Вернулся в феврале, а вскоре и перелет. Конечно в Янчен!

Выехали из Новины — дом в Сейсине был уже давно продан — на резвом

фордике «Голубок»: дядька Виктор, младший брат Юрий, повар кореец Ан Ынчэри и я. И как только миновали поселок Ёнджон и въехали на ближайший холм, я понял, что угадали вовремя: над полями и болотами летали, садились и снова взлетали стаи галдящих гуменников. До фанзы Чирона и нашего домика оставалось несколько километров, но душа не выдержала. Я передал руль дяде, схватил браунинг, патронташ и спустился с шоссе на болото. В лицо пахнуло тальми водами. Среди проталин еще лежали большие острова снега и льда, но стаи все прибывали. Недаром отец всегда любил повторять поговорку нашего деда, великого охотника-орнитолога: «Лёт — пока лёд».

Через пару часов я уже тащил на плече связанных головами четырех тяжелых длинношеих гуменников. Поднялся на хребтик, отделявший ёнджонские болота от Первого озера, — и ахнул! Оно было совсем белым, полностью покрыто льдом, ни единой проталинки и ни единой птицы на снежной поверхности. Обошел вдоль берега, перебрел впадавшую в него глубокую речку и пришагал в домик, удивив и обрадовав ребят первыми трофеями.

Однако обычного перелета не наблюдалось. Похоже, где-то на севере выпал снег, прижали морозы, движение птицы застопорилось. Некоторые стаи потянули обратно на юг. Мы сходили на Третье, Четвертое, Пятое озера, везде встречая ту же картину. Взяли немного и вернулись в свой домик. И тут заме-

тили, что речка, впадающая в Первое озеро, за эти дни проточила лед в виде небольшого, в сотню шагов в поперечнике, темного пруда. И на эту воду устремилась осевшая на полях птица.

Шел четвертый день охоты, дела требовали возвращения домой, и мы, посоветовавшись, решили нарушить многолетнее правило — пойти с утра к берегу озера, окружить образовавшуюся полянью. Все равно скоро уезжать. Я спустился прямо к восточному берегу, Виктор и Юрий перебрались через речку и устроили скрадки на северном берегу, поближе к воде. Со мной увязался внук Чирона, корейчонок лет тринадцати. Спустившись с последнего пригорка, мы увидели на снятой рисовой пашне сложенные в кучки снопы камыша. Для скрадка лучше не придумаешь. Устроили в одной из кучек отличную замаскированное гнездо, забрались и притаились. В воздухе стоял упительный для души охотника запах оттаивающих весенних полей...

Вскоре за полночь хлопнули выстрелы, утка сорвалась с воды и начала кружить. На нас налетали не стаи, а, разбившись по две-три, утки, когда и одиночки. Браунинг работал английскими патронами, как часы, и почти без промаха. Мальчишка мчался к упавшей на пашне птице, хватал и прыгал назад в скрадок. Сидя за моей спиной, заметив приближавшихся уток, азартно шептал по-корейски: «Давай, давай, лети, лети, сейчас тебе крышка!..» Шла исключительно кряква. Шлепались одна за другой. Мой помощник, засучив штаны, мчался по мокрой пашне, подбирая дичь и бежал обратно. Через какие-то час-два на дне нашего гнезда лежало четырнадцать уток и селезней. Палили и за речкой, но почему-то реже. Мое место оказалось самым удачливым.

Но вот нависший с утра туман начал медленно подниматься, и утка куда-то исчезла. Я было думал возвращаться

на базу, когда мальчишка шепнул: «Киреги. — Гуси». Он указывал на вереницы из нескольких темных силуэтов, разворачивавшихся над поляньей. Круг, второй, ближе, ближе, уже слышен шум крыльев; они над нами, шагах в тридцати. Отчетливо видны желтые, прижатые к пепельным животам лапы... Я успел перезарядить нулевку, поймать на мушку передовика. Он грохнулся не подальше. Второй протянул подальше, ударился о пашню и перевернулся, показав светлое брюхо.

Утки были забыты, а гуси все появлялись из туманной дали, кружили над озером и скрадками. Что-то неуловимо изменилось в атмосфере, но это что-то таинственно влияет на поведение дичи.

Следующая стая налетела высокова-то. Я сделал два выстрела — и один, серый, отделившись, потянул в сторону горы и упал на ее склоне. Я заметил куртинку орешника, за которой он приземлился, мы с мальчиком заторопились туда. Уже заметили лежавшую среди кустиков птицу, когда со стороны озера донеслось: «Смотри, сзади на тебя идут!»

Я обернулся. Три гуся не низко, ровненько, цепочкой шли прямо на нас. И тут вспомнил: заторопившись, не добавил в магазин патронов. Значит, в моем распоряжении всего три! Но добавлять времени нет, тройка почти над головой. Однако я уже верю в новые патроны, в свой браунинг, в себя... Раз, два, три! — и в небе не осталось ни одного. Два повалились камнем, третий спланировал обратно к озеру и ткнулся возле Виктора. Ребята в два голоса прокричали мне «ура»!

Вернулись в скрадок, и охота продолжилась. Но сколько патронов умещается в патронташе? В те годы мы шили их сами, помнится, на тридцать шесть гнезд. Запасных я не взял, никак не думал, что расстреляю все. В

общем, взяли еще четырех, в скрадке уже лежал 16 уток и 10 гусей. И тут я обнаружил, что запас иссяк. Перебрал все отделения и обнаружил всего два патрона: последнюю новенькую четверку и старый самодельный патрон шестого номера. Значит, надо кончать, какие с этой дробью могут быть еще гуси?

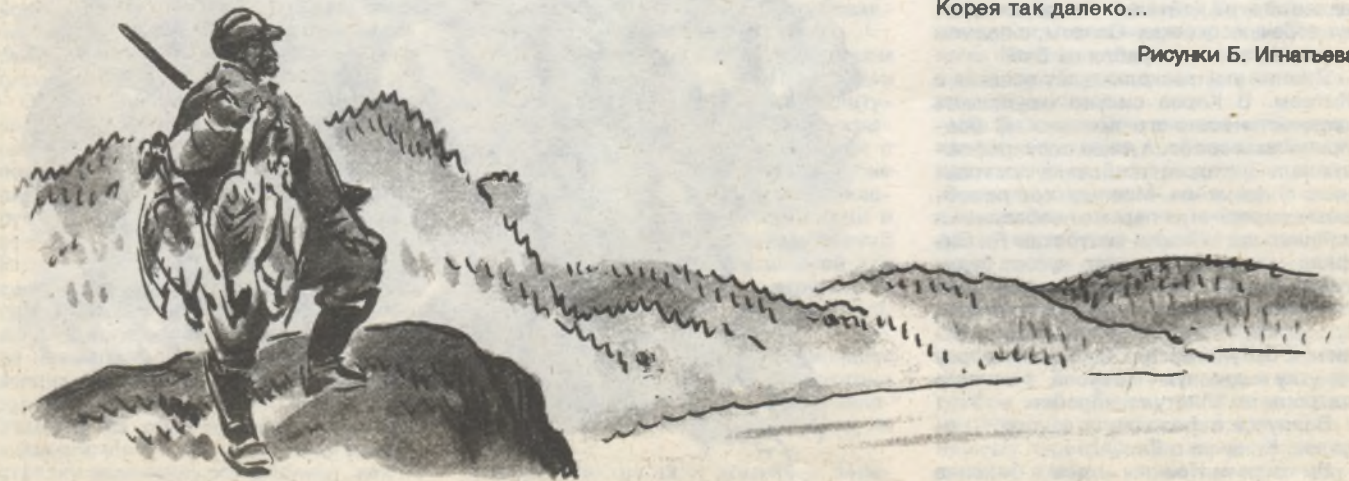
И в этот момент — «га-га!». Над прибрежными камышами разворачивается пара короткошеих гуменников и идет на нас. Я толкаю в ствол четверку, а следом посылаю самодельную шестерку, которая, мне кажется, слабовата даже на весеннюю утку, и мы прячемся за спасительными снопами. Пара налетает хорошо. Целюсь тщательно — раз! — и первый валится снопом. Не думая, ловлю второго — два! — и тот шлепается в лужу в трех шагах от нас, обдавая брызгами оттаявшего рисового поля. Все, затвор у браунинга открыт, он пуст. Я несколько ошеломлен: вот и доказывай, что на гуся обязательно требуется нулевка...

Мы связываем голова к голове наши трофеи. Связки очень тяжелы. Берем их на плечи, я больше, мальчик поменьше, и медленно, с несколькими привалами на отдых добираемся до домика. А во дворе у Кима стоит маленькая спортивная машина. Гости из Сейсина: Жорж Гусаковский и с ним наши давние друзья, хозяева магазина готовой одежды, Борис и Нина Сироквашины. Они потрясены нашим «уловом». Борис горит желанием принять участие в охоте, но ружья у него нет. Я даю ему свое запасное. Нина жарит яичницу; ем, пью чай и забираюсь на нары.

Ложусь на спину, закрываю глаза; передо мной плывут картины этого редкого для охотника дня. Честно говоря, больше никогда не удавалось взять столько гусей за один неполный день.

Но все течет, все уходит в прошлое. Я и теперь иногда вижу во сне те озера, море и горы, вереницы гусей и наш домик. Озера и сопки, конечно, и ныне те же, а участников судьба разметала во все концы света. И хочется знать, живы ли дети и внуки Кима, вспоминают ли нас, стоит ли домик. Кто знает? Корея так далеко...

Рисунки Б. Игнатьева

Амурские казаки из охотничьей команды Н. А. Байкова

ОХОТНИЧЬИ КОМАНДЫ В РУССКОЙ АРМИИ

Возросший в последние годы интерес к русской истории постоянно подогревается все новыми и новыми архивными находками. Извлеченные из-под спуда времени документы открыли целые пласты из жизни наших отцов и дедов.

К сожалению, не так уж часто появляются материалы, знакомящие читателей с охотничьей культурой старой России. А ведь эти сведения помогают российским охотникам ощутить себя единой семьей, имеющей глубокие и крепкие корни.

Одним из любопытных фактов в истории охоты является создание охотничьих команд в частях русской армии.

Надо сказать, что еще в эпоху Екатерины Великой полководцем П. А. Румянцевым был сформирован первый батальон егерского типа, под знаменем которого были собраны отличные стрелки. Однако со временем егерские полки утратили свои особенности и были переименованы в пехотные. В начале нашего века в русской армии существовал лишь один лейб-гвардии Егерский полк, название которого было не более чем данью традиции.

В егерских подразделениях служили вовсе не охотники, а умеющие хорошо стрелять солдаты. В охотничьи же команды отбирались именно охотники, способные

в боевых действиях выполнять самые ответственные и опасные задания. С некоторой натяжкой можно утверждать, что в охотничьих командах готовили будущих разведчиков-диверсантов, этаких спецназовцев с трехлинейными винтовками.

О том, какое важное значение придавалось роли охотничьих команд, говорят многочисленные публикации в охотничьих изданиях конца прошлого века. Больше того, журнал Л. П. Сабаньева «Природа и охота» специальным циркуляром по военному ведомству был рекомендован для библиотек армейских частей.

Несколько лет назад мне удалось разыскать необычную книгу под названием «Опыт руководства для охотничьих команд пехоты», составленную из практических инструкций и наставлений для подготовки охотников-разведчиков. Составитель книги указал лишь свои инициалы «А. С.-ъ». Издана она в 1889 году в Варшаве, входившей в то время в состав России.

Тираж книги «Опыт руководства...» мне установить не удалось, скорее всего, в продажу она не поступала и распространялась только в войсках. Книги нет в каталоге Российской государственной библиотеки (бывшей «Ленинке»), не значит-

ся она и в классическом указателе «Русская охотничья библиотека» (Брест-Литовск, 1905). Составитель указателя Н. Ю. Анофриев после смерти Л. П. Сабаньева был лучшим охотничьим библиофилом дореволюционной России, а кроме того, полковником царской армии, поэтому «Опыт руководства для охотничьих команд пехоты» следует признать исключительной библиографической редкостью.

Хранящийся в моей библиотеке экземпляр «Опыта руководства...» дорог мне еще и тем, что сто лет назад он принадлежал Л. П. Сабаньеву. После революции книга попала в Ростовский музей древностей, а после войны была продана через московский книготорг.

Для того чтобы читатели журнала имели представление об охотничьих командах, предлагаем познакомиться с «Приказом Военного Министерства...» и извлечением из статьи Н. Туркина. Еще можно добавить, что идея использования охоты для подготовки красноармейцев и командиров в армейских подразделениях была использована в советской армии, когда покровителем военных охотников стал маршал К. Е. Ворошилов, но это уже другая тема и другая эпоха.

М. БУЛГАКОВ

ОХОТНИЧЬИ КОМАНДЫ В РУССКОЙ АРМИИ

(Приказ Военного Министра за № 260 о введении в войсках занятия охотой, изданный на основании Высочайшего повеления 21 октября 1886 года)

Государь Император в 21 день октября сего года Высочайше повелеть соизволил: в каждой отдельной части войск пехоты и кавалерии иметь некоторое число людей, заблаговременно подготовленных соответствующими упражнениями к исполнению в военное время отдельных поручений, соединенных с особою опасностью и требующих личной находчивости.

Означенные люди должны быть избираемы из энергичных, сильных, ловких, искусных в стрельбе (а в кавалерии — в езде) и вообще из наиболее способных к достижению указанной выше цели. Для удобства надлежащей их подготовки разрешается собирать их в особые, при каждой отдельной части войск, охотничьи команды.

Состав последних, время их сбора и

порядок занятий определяются начальниками дивизий и лицами, равными им по власти; не допускается однако назначать в команду более четырех человек на роту, эскадрон, сотню, батарею.

Охотничьи команды вверяются заведованию особо назначаемых ближайшим начальством офицеров, пользующихся при сем правами ротного командира.

Предметом занятий команд должны служить по преимуществу: в пехоте — охота на хищных зверей, а в кавалерии — псовая охота верхом. Занятия эти по возможности должны быть соединяемы с задачами по разведке и изучению местности.

В таких частях войск, для которых, по местным условиям, производство охоты представит затруднения, последняя должна быть заменяема иными упражнениями, способствующими развитию выносливости, смелости и находчивости, как-то: совершением значительных переходов с упражнениями в изучении местности и разведывании, как днем, так и ночью, плаванием (в кавалерии с конем), управлением легкими гребными и парусными судами (в соединении с рыбной ловлей или отдельно) и т. п.

Вообще выбор специальных занятий для охотников и способов их упражнения должны быть согласованы с местными условиями и с главной целью воспитания этих людей — приучением их к выполнению особо опасных и трудных личных поручений в военное время.

Офицеры и нижние чины охотничьих команд не освобождаются от общих учебных занятий, установленных для данной части войск. Посему производство специальных занятий команд назначается в дни, свободные от общих: по субботам, после утренних часов, по праздникам и во время, предоставленное для вольных работ.

Для обзаведения войсковых охотничьих команд ружьями, снаряжением, собаками и прочю принадлежностью разрешается произвести из хозяйственных сумм единовременный расход в мере надобности не более 500 руб. на полк, 200 руб. на отдельный батальон и 100 руб. на местную команду и батарею. Заведывающие охотничьими командами должны вести отчетность о занятиях в особой книге, означая в ней: список личного состава команды, опись имущества, количество убитого зверя и птицы и видимость прихода и расхода денег. Означенная книга, за скрепкою начальника войсковой отдельной части, подлежит представлению для проверки на инспекторских смотрах.

Приобретенная охотою добыча принадлежит всей охотничьей команде и может быть продаваема с ведома начальника войсковой отдельной части; вырученные деньги расходуются на тех же основаниях, что и заработанные нижними чинами на вольных работах.

Все подробности устройства, занятий и службы охотничьих команд представляются усмотрению начальников дивизий и лиц, равных им по власти,

которые обязуются впредь включать в представляемые ими годовые отчеты сведения о принятом порядке образования охотников и об успехах, достигнутых специальными их занятиями.

Места для охоты, по ближайшему усмотрению войскового начальства, могут быть избираемы в частных, общественных или казенных лесах и угодьях, причем должно быть однако сделано предварительное сношение о разрешении владельцев или управляющих на допуск охотничьей команды в избранное место. Охота команд, в казенных лесах и угодьях, на основании сношения, сделанного с Министром Государственных Имуществ, будет допускаема бесплатно и во всякое время года, за исключением лишь дач с хвойными насаждениями, в которых употребление огнестрельного оружия запрещено с 15 марта по 15 ноября.

Сношение о допуске команд для охоты производится теми из войсковых начальников, не исключая и заведывающего охотничьею командою, которые будут уполномочены на то начальниками дивизий и равными им по власти лицами.

Охота в казенных лесах в одиночку, производимая воинскими чинами, входящими в состав охотничьих команд, подчиняется во всем соответствующим общим правилам, установленным особо в каждом из управлений ведомства Министерства Государственных Имуществ.

Формирование охотничьих команд не обязательно в войсках специальных родов оружия.

Изложенные основания войсковой охоты применяются в пределах Великого княжества Финляндского, по согласованию с местными законами.

Ан. Энгельгардт. Полная школа охоты по перу и зверю. Москва, 1898 г.

К ВОПРОСУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ И ЗАНЯТИЯХ ОХОТНИЧЬИХ КОМАНД

«Охотничья газета», № 8 и 10, 1888 г.
Николай ТУРКИН

В 1886 г. приказом по военному ведомству были введены охотничьи команды в каждой отдельной части войск. Как новое дело, организация команд вызвала к жизни множество вопросов. Для решения возникших вопросов, для устранения массы мелких практических затруднений и недоразумений требуются, конечно, опыт, знания, умения, но, к сожалению, эти — опыт, знания, умения, еще не явились на выручку новому и совсем еще не установившемуся делу, и литература по этому вопросу пока очень скудна: только «Русский Инвалид» посвятил ему несколько специальных заметок («Русский Инвалид», 1887 г., № 16, 65, 117,

129, 232, 245 и 271). Из заметок этих очевидно, что приказ относительно организации охотничьих команд получил весьма разное толкование, что выбор подходящих людей для охотничьих команд не производится по определенным, заранее обдуманным и точно выработанным правилам, что подробности занятий и службы охотников, предоставленные на основании приказа усмотрению начальников дивизий и лиц, равных им по власти, еще не выяснились более или менее полно. Программы систематических занятий с охотниками еще не появлялись; действительность охотничьих команд не предается гласности, — это является значительным тормозом для правильного развития охотничьего дела в войсках. Нам кажется, что только гласность поможет в этом новом деле выработке разумных программ, систематических занятий охотою, сообразно с целями организации охотничьих команд.

Вот почему желательно было бы, чтобы программы, дневники занятий в охотничьих командах делались бы достоянием гласности; только при этом условии — при знании характера охотничьих упражнений, возникающих недоразумений, сделанных промахов — опыт специалистов-охотников облегчит путь к правильной постановке дела. Всякая попытка такого выяснения и серьезного обсуждения вопросов, возникающих при первоначальной организации охотничьих команд и составлении программы специальных с ними занятий, должна быть принята с благодарностью и с вниманием. Такую попытку мы видим со стороны г. Н. Д-ва, напечатавшего ряд статей в «Русском Инвалиде». Г. Н. Д-в наблюдал в течение года над занятиями в нескольких частях войск и изложил свои наблюдения и соображения. Конспектируем свод положений, касающихся собственно охотников и охоты в войсках.

Автор находит, что самое важное условие успеха охотничьего дела в командах заключается в соответственном выборе людей, которые должны обладать некоторыми особыми природными качествами. По мнению автора, мало того, что избираемые люди, как говорится в приказе, были люди энергичные, сильные, ловкие и искусные в стрельбе, — нужно еще, чтобы охотник был хорошей нравственности, умственно развитой, обладал хорошим зрением и, по возможности, грамотный. С этим мнением автора нельзя не согласиться; действительно, хорошая нравственность необходима здесь потому, что все ответственные поручения, соединенные с личною опасностью, часто исполняемые охотниками в одиночку и потому не подлежащие немедленной проверке, требуют добросовестного и твердого сознания важности исполняемого долга; острое зрение нужно охотникам ввиду того обстоятельства, что они, эти будущие охотники, являясь в военное время «очами и ушами» своей части, на отдыхе, в походе, в бою. Мы прибавим еще, что все указанные при-

родные качества охотников, благодаря систематическим упражнениям, разовьются, изощрятся и укрепятся в борьбе с действительным врагом, перед действительной опасностью, под возбуждением действительной страсти... В этом смысле охотничьи упражнения незаменимы; никакие искусственные упражнения не могут стать с ними рядом; охота на самого невинного зверя в состоянии вскипятить кровь, «протереть глаза», как выражаются охотники, научить сметливости, проворству, тонкому соображению... Говоря о том, какие невыгоднейшие условия должны быть соблюдаемы при выборе людей в охотничьи команды по

срокам службы, г. Д-в полагает, что для подготовки хорошего кадра охотников совершенно достаточно двух лет; по истечении этого срока половина охотников ежегодно должна возвращаться в свои роты, где они могут принести большую пользу зимой — в качестве учителей новобранцев, а летом выполняя специальную службу при своих ротах и усиливая кадры команд охотников на время тактических учений полка и маневров. В команду желательно принимать на втором году службы. Если при первоначальной организации команды в 1886 году в нее назначено было, например, 32 человека, то через два года, в 1888 г., поступит в часть 16

охотников, окончивших курс; в следующие годы таких охотников будет состоять в части постоянно уже 32 человека, кроме 1890 г., в котором их будет только 16 человек.

Мы не можем согласиться с почтенным автором, чтобы для подготовки хорошего кадра охотников было достаточно двух лет, равно как не можем согласиться с тем, чтобы постоянное и при том совершенное обновление всего состава охоты в течение каких-нибудь двух лет — было удобно.

Охотничья школа, как таковая, должна иметь некоторую устойчивость, некоторое постоянство в комплекте своих служителей.

ФОТОАРХИВ

Команда охотников военно-политической школы г. Тбилиси с добытыми трофеями. Ленкорань, зима, 1925 г.

**НОЧНОЕ
НАПАДЕНИЕ**

**МАЛЕНЬКАЯ
РАЗБОЙНИЦА**

Уважаемые О. К. Гусев и М. М. Блюм! Охотники полностью одобряют и поддерживают ваше Открытое письмо на имя В. С. Черномырдина («Охота...», № 5, 1995). Закон «Об оружии» привел к массовому нарушению прав человека.

Прошу вас опубликовать все факты, когда человек, вопреки здравому смыслу, лишен возможности охотиться. Лично мы готовим обращение в Конституционный суд РФ, и такие материалы нам очень нужны.

Н. БАРАНОВ
г. Череповец
Волгоградской обл.

Однажды решил я днем подняться на бугры Биофабрики, посмотреть на следы, определить, где сидеть вечером караулить дичь. Взясла с собой годовалого фокстерьера Волгу, пусть побегает по свежему снегу, прогуляется.

Медленно идем по тропинке между дачных домиков, Волга резко натягивает поводок. Вижу следы жировавшего ночью зайца, затоптал весь огород перед домиком. Домик этот привлек мое внимание наличием небольшой открытой веранды, выходящей на засыпанный снегом огород, где и гулял ночью так не любимым дачниками воршишка. Осмотрев следы, решаю вернуться сюда к 18.00. Возвращаемся с Волгой домой.

Прихожу вечером соответственно экипированный, устраиваюсь поудобнее, жду. Думаю, что к 21.00 управлюсь, место тихое, других следов охотников не встречал. А кто еще притащится сюда в такое время? Ничего не видно, даже вездесущей ласки, а ведь бывали случаи, прямо на валенок взбиралась эта ловкая хищница. Полная неподвижность становится в тягость, в девять часов вечера собираюсь уходить.

На следующий день решаю повторить свои засидки, но уже позже — с 21.00. Опять тишина, бездействия, сижу, скучаю. В

первом часу ночи прекращаю это бесполезное занятие, иду домой. По дороге размышляю, куда мог деваться этот заяц, наверное, выходит кормиться еще позже. Надо проверить.

На следующий день прихожу уже в два часа ночи. Располагаюсь там же, жду. Терпение кончается. До рассвета совсем немного осталось, через час нужно уже переодеться и ехать на работу. Думаю закурить, тянусь к карману, но... На центр огорода выбегает красавчик, поводит чуткими ушами, начинает поворачиваться в мою сторону. Быстро вскидываю тяжелую горизонталку ИЖ-54, заяц делает огромный скачок за яблони, бью раз, затем по мелькавшему уже возле изгороди косому второй. Результатов не вижу, тишина полная, слегка светлеет восток. Не надеясь на удачу, беру фонарь, по следам бегом через проволоку ограды.

А заяц спокойно лежал на боку, закончилась его заячья карьера. Теперь быстрее домой. В 8.00 уже сижу на работе и радуюсь своей охотничьей удаче, переживая вновь весь азарт, и выдыхаю почти наяву сладкий запах сгоревшего пороха «Сокол».

С. МАСЛОВ
г. Ставрополь

Здравствуйте, уважаемая редакция! Прочитал я в № 4-95 г. статью о глухарях и решил написать о своей встрече с этой птицей. Сам я живу в Поволжье, а работал вахтовым методом в Тюменской области. Довелось побродить по лесу и немного поохотиться.

Среди болот мне нравились одна грива с мощными деревьями, в основном кедром, елью и изредка березой. Песню глухаря я слышал только по телевизору, поэтому не сразу обратил внимание на новые звуки, дошедшие до меня. Но они были столь необычны, что я встал и начал слушать. Затем попытался подходить, как пишут в литературе, под песню. Отчасти мне это удалось. Глухарь поднялся метров на 45—50. Затем я слышал песни еще трех глухарей, но и в этот раз близко меня не подпустили. Это было в начале сентября.

Другой случай был в октябре. Я возвращался с охоты. Уже выпал небольшой снежок, но мороза не было. Я нес двух рябчиков, двух белок и одного глухаря. Первого я, возможно, последнего в своей жизни. И тут метрах в ста, сбоку от дороги, собачка опять «заработала». Присмотревшись, я увидел на верхушке дерева глухаря, похожего на бутылку изпод шампанского. Патронов уже не было, и я продолжал идти по дороге. Когда подошел ближе, с деревьев поднялись несколько лесных красавцев и стали налетать на меня. Посчитав их, я мыс-

ленно усмехнулся, их было восемь, а не десять, не-то мои друзья приняли бы этот случай за обыкновенную охотничью байку. И тут появились еще два. «Значит, все-таки десять», — подвел я итог.

Восторг от увиденного останется, похоже, у меня на всю жизнь.
ТАРАНЕНКО
Волгоградская обл.

Уважаемые товарищи! Направляю по старой памяти заметку о нападении волка на людей, которая может быть небезынтересна нашим читателям. Могу с уверенностью сказать, что такого случая у нас еще не было, поскольку в охотничьем хозяйстве работаю более 23 лет и фиксирую случаи подобного рода.

Это произошло в середине декабря в центре кишлака Андегин Фаршского района Джизакской области. Около часа ночи Расул Азимов проснулся от лая и рызани собак во дворе. Обеспокоенный этим шумом, он поднялся с постели и, не одеваясь, вышел в прихожую. Когда открыл дверь, увидел, что его собаку опрокинула и грызет чужая большая собака серой окраски. После грозного окрика они расцепились и его собака с жалобным визгом бросилась в дом, чуть не сбив с ног своего хозяина. И вдруг серая собака прыгнула и схватила его зубами за локоть, затем, крепко зажимая руку, потащила Расула наружу. Ошарашенный, он попытался высвободиться, но ему это не удалось. Тогда он крикнул своих домочадцев. Первой подошла жена, затем проснулся сын и включил свет. Все увидели, что это не собака, а волк, закричали и этим, вероятно, отпугнули хищника, который отпустил наконец главу семьи и скрылся.

Но, как показали дальнейшие события, он не покинул кишлак, а, пробежав по улице метров тридцать, свернул во двор другого дома. Там у крыльца стояли и беседовали между собой два гостя из Ташкента. Волк бросился к одному из них и схватил за ногу. На выручку поспешил товарищ, а затем хозяин дома Бахтиер Хосилов. Они навалились на волка, стараясь сильнее прижать его к земле. Волк, яростно рыча, зацарапался и кусал людей. Исход поединка решил сосед Тияков, который прибежал к месту борьбы, услышав крики и шум. Недолго думая, он изловчился и три раза ударил ножом волка в шею и грудь, после чего тот застыл в смертельной агонии и вскоре затих.

На следующее утро с убитого хищника сняли шкуру. Оказалось, что это волчица, довольно крупная, не старая и нормальной упитанности. Осталась бы загадкой причина столь неожиданного поведения зверя, если бы не заглянули ей в пасть. Там, в глубине, под верхней и нижней десной

торчали обломанные иглы дикобразов, которые сильно проткнули мягкую ткань, она была воспалена.

Всех пострадавших от укусов доставили в районную больницу, где им сделали уколы против бешенства, а шкуру направили в Ташкентскую ветеринарную лабораторию. Зверь больным не был.

Б. ДЬЯКИН
г. Ташкент

Уважаемая редакция! Поздравляю журнал с 40-летием! Желаю всему коллективу успехов в вашем благородном деле. Большое спасибо за радость, получаемую от чтения вашего журнала. За всем этим стоит огромный труд его создателей в такое трудное для выживания время. Надеюсь, что судьба журнала чем-то будет похожа на приход весны. Когда в начале апреля тянет юго-западный ветер, быстро начинает таять снег, появляются первые проталины. Затем начинает дуть северо-восточный ветер, все замерзает, опять сыплет снежок — снова зима. Но власть ее коротка. Весна все равно наберет силы, и потянутся караваны птиц с юга. Вот так и наш журнал, уверен, у него есть будущее.

Хочу поблагодарить всех, кто помогает нам любить природу и наших меньших братьев. Конечно, огромная заслуга в этом главного редактора и всей редакции. Но нельзя не выделить таких специалистов своего дела, как М. М. Блюма, рассказывающего из номера в номер о том, как обращаться с оружием; Чернышева В. Б., дарящего добрые советы молодым, да и старым охотникам (доброе гововим по его рецепту). Нельзя не вспомнить о профессоре Успенском С. М. и его интересных публикациях о птицах, а также ваших мужественных женщин, сочетающих ведение домашнего хозяйства с изданием журнала.

Предлагаю расширить рубрику «Письма читателей» (кстати, мы ведь не просто читатели, а читатели-охотники), часть писем можно было бы разместить по другим разделам.

Желаю успехов!

И. СИЛУЯНОВ
г. Магнитогорск
Челябинской обл.

Здравствуйте, уважаемая редакция! Выписываю ваш журнал я сравнительно недавно, но с 1987 г., с момента вступления в общество охотников и рыболовов.

Первым моим ружьем было ИЖ-18Е. Для начинающего охотника это, на мой взгляд, отличное ружье, с ним приобретаешь много навыков как на охоте по боровой, так и по болотной дичи.

В дальнейшем я приобрел ружье также Ижевского оружейного завода ИЖ-43Е. О его качествах писать не приходится, можно просто сказать — безотказное.

Приходилось мне пользоваться и таким, пожалуй, известным только охотникам старшего поколения ружьем, как «Олень парадокс» 32-го калибра с вертикальным расположением стволов. Это действительно универсальное ружье, с ним чувствуешь себя в тайге уверенным: можно и глухаря взять, и медведя положить. Жаль, что оно снято с производства.

Совсем недавно я стал обладателем охотничьего карабина «Лось-4», и хотелось бы побольше узнать об этом оружии. Сейчас наша промышленность выпускает много охотничьего нарезного оружия, в частности такие, как карабин «Сайга», «ОП-СКС», «Вепрь», «КО-44», «Тигр» и некоторые другие, под патроны 7,62x39 и 7,62x53. Но в карабине «Лось-4» используется патрон 7,62x51, и я, как и охотники, имеющие аналогичное оружие, хочу больше знать о нем и патроне к нему с полуболочечной пулей; об оптимальной стрельбе, о кучности боя; о поражающих свойствах этой пули и технической характеристике карабина в целом и по отношению к вышеуказанному оружию.

Многие охотники сейчас в затруднительном положении, всех мучает вопрос, какое оружие лучше взять. Один говорит: «Это оружие «шьет» зверя». Другой говорит: «Нет проблем с патронами».

Моя точка зрения такова, что, коли «шьет», значит, этот зверь уже подранок, что может оказаться опасным для охотника. О раненом медведе, например, даже страшно подумать. А штатные охотники промхозов пользуются часто малокалиберным оружием. Так из-за халатности охотника-любителя, не знающего характеристик своего карабина, с кем-то может произойти несчастие.

В. МОСТОВОЙ
Камчатская обл.

Уважаемая редакция! Хотел бы поделиться некоторыми советами, которые следует учитывать охотникам, особенно начинающим.

Во время наблюдения на охоте нельзя ослаблять внимание. Следует иметь в виду, что полная адаптация зрения (приспособление глаза) в темноте наступает через 45—50 минут. Поэтому охотнику желательно за 45—50 минут до рассвета уже находиться в скрадке. Находясь в темноте, необходимо всячески предохранять глаза от яркого освещения, каким бы кратким оно ни было.

На утренних и вечерних зорьках до наступления рассвета или при наступлении темноты желательнее стрелять только по движущейся цели на контрастирующем фоне неба или окружающей среды. Для этого нужно систематически тренировать свое зрение в темноте путем распознавания различных предметов.

Надо также учитывать, что световая чувствительность глаза повышается даже при слабом звуковом раздражении. Например, при полете утки наблюдается специфический шумовой эффект. При помощи слуха охотник не только слушает звуки, но и локализует их в пространстве, то есть устанавливает местонахождение источника звука. Чувствительность глаза и слуха может снижаться в результате утомления. В положении сидя слух человека утомляется в два раза меньше, чем стоя, о чем свидетельствует охотничья практика.

Слух и внимание охотника требуют систематических тренировок. Внимание можно тренировать следующим образом: выбрать глазами какую-нибудь точку и постараться сосредоточить на ней все свое внимание. Если она уходит из поля зрения, а в голову начинают приходить посторонние мысли, то указанную точку необходимо вернуть в центр внимания усилием воли. Чем дольше фиксируется внимание на точке, тем оно более устойчиво.

Необходимо также тренировать и наблюдательность. Главным здесь должна быть целенаправленность наблюдений.

При постоянной тренировке ваши слух и зрение станут значительно острее, вы будете лучше ориентироваться, что непременно принесет успех на охоте.

А. ОРЛОВ,
председатель и ст. охотовед
ООиР
Новосибирского облсовета

Уважаемая редакция! Хочу сообщить вам о необычном случае из моей охотничьей практики. Утром 1 сентября я и мой сын Алексей охотились на реке Юме в Свечинском районе Кировской области. Сын добыл утку-крякву, и я сразу стал ее потрошить. Когда оципал тушку, то заметил, что под кожей находится твердый комочек, свободно перемещающийся. Разрезав кожу, добыл оттуда нечто вроде пули, обросшее пленкой. После очистки обнаружил, что это стальной подшипник диаметром 14 мм и высотой 12 мм. Находился он между кожей и брюшиной. Никакого следа раны не было. Очевидно, утка носила эту пулю в себе не один год, так что рана заросла без следов.

Г. ЮФЕРЕВ
Кировская обл.

хитрую воровку, на этом озере встречал.

— Почему воровку? — спросил я.

Вечером в землянке, что стояла на берегу извилистой и обмелевшей протоки Духовое, весело потрескивала печка. На чугунной плите подогревался чай, а мы, охотники, тесным кружком, располкившись на устьях селенных нарах, делились впечатлениями о прошедшем дне. А этот октябрьский день — один из многих, проведенных на охоте, — выдался на редкость ветреным, холодным, охота на уток утром и вечером была неудачной, и никто из нас не мог похвалиться трофеями.

Утром я проходил берегом озера с красивым названием Золотое. Озеро — неширокое, метров 80—100, длинное. Края его поросли болотной растительностью, теперь пожелтевшей, по берегам кое-где виднелись кустарники, уже сбросившие продолговатые сухие листья. В нем, как видно, водились ондатры: над поверхностью воды в разных местах выступали их конусообразные хатки. Почти в конце озера, на другой его стороне я увидел зверька, бегающего по берегу у самой воды. Он словно что-то искал — двигался во вперед, то назад, опустив низко мордочку. Зверек был темного цвета с белыми пятнами на губах. Норка! — узнал я. Вот она приостановилась, видно, заподозрив что-то неладное, а затем проворно юркнула в траву. Вскоре на поверхности воды показалась ее маленькая головка. Норка легко и быстро проплыла вдоль берега.

Об этой встрече с норкой я рассказал в тот вечер своим товарищам по охоте.

— Вот так встреча! — удивился местный охотник Пашка, гость нашей охотничьей компании. — Прямо совпадение. Я тоже ее,

рассказывать Пашка, — прикатил сюда на козленке (так называл он свой изрядно потрепанный легкий мотоцикл) рыбешки половить, душу, как говорят, отвести. Набежала небольшая лохматая тучка, враз потемнело, и сыпанул дождик. Ну, думаю, все, пропала рыбалка. Нет, тучка умчалась, вновь посветлело. И такой тут после дождя клев обаялся, что умаялся таскать то сороженков, то окушков. Рыбу кидал в ямку, что была недалеко от ивового куста, а потом решил взглянуть, много ли наловил, может, пора заканчивать, обратный путь не близкий, да и рыбу всю не переловишь. Поглядел и глазам своим не поверил: ямка — пустая, без единой рыбешки! Что за оказия, куда она подевалась? Думаю, уж не норка ли ненароком таскает мою рыбу? В нашей местности встретить норку не в диковинку, да и о проделках ее слышал. Выломал я прут на всякий случай, положил его рядом с собой и продолжаю рыбачить. А сам нет-нет да и кину взгляд на ямку. Вдруг слышу шорох: из куста сперва показалась круглая мордочка, затем и весь зверек с гибким вытянутым телом. Так и есть — норка! Легкий прыжок, и одна из рыбешек оказалась в пасти зверька. Ловко! Я прихватил прут и кинулся к маленькой разбойнице: сейчас прочу, но куда там, ее как ветром сдуло. Вот так и перетаскала эта бестия всю мою рыбу, не оставила даже на уху.

Охотники ничего больше не спрашивали, только от души посмеялись.

Н. АКУЛОВ
г. Казань

ПИСЬМА
ЧИТАТЕЛЕЙ

ОДИН ИЗ ДОЛГОЖИТЕЛЕЙ

Исполнившая саламандра, обитающая в Японии, относится к долгожителям животного мира. Она может прожить дольше слона! Так, одна из саламандр, попавших в Европу в 1829 году, прожила в зоопарке еще... 62 года. Кстати, живут они в воде, но каждые 10 минут поднимаются на поверхность глотнуть воздуха.

КЕНГУРУ НА ГАВАЙЯХ

Кенгуру в нашем представлении ассоциируется с Австралией. Действительно, этот материк — родина кенгуру. Это животное стало символом Австралии, заняв место на ее гербе.

Кенгуру относится к примитивным млекопитающим — сумчатым, которые не в состоянии конкурировать с высшими (плацентарными) млекопитающими. Этим в значительной мере объясняется успех заселения Австралийского материка завезенными европейскими переселенцами животными. И ни у кого не возникало мысли переселить кенгуру в другие страны. Они бы там не прижились из-за наличия высших зверей. Но действительность показала, что бывают исключения.

В 1916 г. пара австралийских кенгуру сбежала из Гавайского зоопарка. Они стали родоначальниками популяции, которая приспособилась к местным условиям. В популяции сменилось несколько десятков поколений, и можно считать устоявшимися признаки новой популяции (некоторые ученые считают ее новым видом кенгуру). Гавайские кенгуру мельче и светлее их австралийских предков. Но, самое главное, они могут питаться ядовитыми растениями, которые не употребляют другие виды животных. Это стало возможным в связи с появлением у них особого фермента, мутационно возникшего в новых условиях обитания. Этот фермент, позволивший употреблять в пищу ядовитые растения, открыл для кенгуру экологическую нишу, не занятую другими видами животных, чем и объясняется успех акклиматизации кенгуру на Гавайях.

НЕЖЕЛАННЫЙ РИККИ-ТИККИ-ТАВИ

Впервые мангусты попали на Кубу в 80-х годах прошлого века. Их завезли с надеждой, что они поубавят полчища крыс и мышей, наносящих существенный урон плантациям сахарного тростника. Но время бодрствования вредителей-грызунов и мангуст приходится на разное время суток. Грызуны активны ночью, а мангусты — днем. Зато с домашними животными активность мангуст полностью совпала. Они стали грозой птичников и крольчатников. Фермеры ставят вопрос о сокращении численности мангуст.

Наносят ущерб мангусты и дикой природе Карибского бассейна. Храбрые Рикки-Тикки-Тави без разбора истребляют пресмыкающихся, а ведь многие из них относятся к редким видам. На одном из островов Карибского моря мангусты уничтожили редкий вид ящерицы, который больше нигде не встречается. Нежеланным поселенцем на Карибах стал мангуст.

Н. ЧЕСНOKОВ

НАВАЖДЕНИЕ

Теплым сентябрьским утром, когда земля парила после ночного дождя, я шел по мягкой лесной дорожке и манил рябчиков. Лист в основном уже пал на землю и лежал толстым слоем, напоминая цветную подушку. Рябчики активно откликались, но летели неохотно, поскольку с веток деревьев капало.

Ружье было заряжено дробью, четвертым номером, и, зная возможный, без предупреждения, перелет птицы в мою сторону, я готов был выстрелить мгновенно. Но прилетел не рябчик, а навстречу мне на полных махах из-за поворота вылетела громадная серая в лохмотьях собака. Не добежав до меня метров пятнадцати, она резко затормозила и от неожиданности уставилась, растопырив передние лапы, подставив широкий серый лоб, как надежную мишень. Что меня поразило, так это встреча с точно такой же собакой вчера вечером в соседней деревне. Чуть больше секунды потребовалось для того, чтобы в сознании промелькнуло: волк. Но и зверю хватило этого времени для резкого разворота. Повернувшись боком, он бросился в лес. Я вскинул ружье и дуэтом выстрелил в удобную мишень. Дробь глухо ударила — и зверь скрылся. Расстроившись и по этой причине не посмотрев на возможные следы крови, я прошел с полсотни метров по инерции вперед. В памяти все всплывала встреча с подобной собакой вечером перед охотой. Какое-то наваждение? Затем вспомнил, что дробью на этом же расстоянии мне пришлось однажды подстрелить одну беспутную собаку, причем в бок и мертвоту. Вернулся назад и посмотрел внимательно на следы на желтых березовых и красных осиновых листьях. Никаких признаков ранения не заметил. Охоты не получилось.

Прошло полтора месяца. В конце октября, по небольшому снегу, охотился на лосей. Как обычно в это время лоси отставались на пятачках, не оставляя практически следов. Изрядно побродив в поисках свежих лесных набродов и ничего не увидев, решил заглянуть в отдаленный от охотничьей избушки уголок, где в смешанных молодняках каждую зиму кормились лоси. Время рассчитал, хотя силенок оставалось немного. Там тоже лосей не оказалось. Вышел на полуквартальную узкую просеку и побрел к избушке. Четыре километра должен был пройти часа за два. Метров через сто увидел на снегу крупные свежие следы волка. Он пересек просеку с востока на запад. Мысленно отметил, что зверь еще ищет лосей в этом районе. Прошел на север еще метров триста, и снова этот же след пересек мне путь, только в противоположном направлении, с запада на восток.

Отметив настойчивость волка в поисках пищи, двинулся дальше, даже не снимая с плеча ружья. Но, пройдя сто шагов, заметил следы волка, топтавшегося за молодой раскидистой елочкой. Впечатление было такое, что он ждал меня, смотрел в мою сторону, прямо по просеке. Только теперь я понял, что волк интересуется моей персоной, что-то пытается выяснить и, возможно, хочет поживиться остатками лося, если повезет.

Сгустились сумерки. В темном еловом лесу мне становилось не по себе. На всякий случай я вынул из ствола пули, зарядил ружье дробью и выстрелил назад по просеке. Вставил в оба ствола патроны с картечью. До избушки оставалось около трех километров. Через пять минут хода волк, как призрак, пересек просеку. Положение осложнилось. Я понял, в какую ловушку попал. В темноте каждый пучок ветвей, каждый не заваленный снегом пенек или валежник казался волком. В сложившейся ситуации зверь имел большое преимущество: тонкий слух, чуткое обоняние и отличное зрение. Надежда была только на собственный опыт, врожденную осторожность, выдержку и хладнокровие.

С предельным вниманием прошел до первого заросшего осинной волока, который был чуть шире просеки и давал возможность небольшого обзора. Волк тоже понял это и в течение десяти минут три раза на махах пересек мне

путь. Темнота усилилась. Напряжение росло. Создавалось впечатление, что зверь пытается загнать меня обратно на узкую просеку, где его преимущество в наступившей темноте было явным. Учитывая возможное нападение, пришлось в левую руку взять ружье, а в правую немецкий охотничий нож.

План был довольно прост. В случае промаха, что вполне возможно на короткой дистанции, и бесприцельного выстрела правой рукой бью волка ножом. При этом отлично осознаю, что стальные челюсти матерого хищника рвут шкуру на лосе вместе с мышцами, что некрупные кости он дробит, как в мясорубке, что тело этого зверя — великолепный механизм, предназначенный для полного уничтожения жертвы.

В сложившейся ситуации нельзя было показать свою слабость, даже если прошел более двадцати километров по снегу, не обедал и не пил чаю. В короткий осенний день это было роскошью на лесной охоте. Попадавшие валежины, кочки и ветровал я обходил, собрав силу воли в единый кулак. Казалось, что если покачнусь или, не дай Бог, споткнусь и упаду, то конец обеспечен. Волк фиксирует усталость и оценит должным образом обстановку.

Но нужно идти. Оставаться на ночь у костра без дров в километре от теплой избушки было бы неразумно, да и небезопасно. Волок вывел на лесовозную дорогу, и, хотя стемнело, на белом снегу кое-что просматривалось.

Поединок кончился мирным исходом. В избушку я вошел с ножом в руке и заряженным картечью ружьем.

Утром километрах в трех от ночлега видел массу волчьих следов и все еще с беспокойством всматривался в темный, загадочный, хотя и знакомый лес.

В чем причина агрессивности волка? Не претендуя на истину, увязываю ее с предыдущим моим выстрелом мелкой дробью по этому зверю. Возможно, раненный с близкого расстояния, он все еще испытывал боль и, хорошо запомнив обидчика, решил рассчитаться, выбрав удобный момент. Может быть, он ослаб и не имел возможности активно охотиться, поэтому искал нетипичную добычу, идя на риск. Второй вариант более вероятный.

Больше следов этого волка я не видел.

Б. КОВАЛЕВ
г. Сыктывкар

Об умных зверушках замолвите слово

Удивляют и умиляют

На гусянину перелете после первых выстрелов у охотника сломалось ружье. Охота была испорчена не только ему, но и симпатичному спутнику, трехлетней спаниельке.

— Артур, возьми, пожалуйста, собаку. Жалко мне ее лишать удовольствия. А я пойду досыпать, потом обед приготовлю.

«Как начнет бесноваться, распугает всех гусей и уток», — подумал Артур Петрович, но отказаться было неудобно, и он согласился. Малоознакомая собачка улеглась рядом с ним в шалаше.

Через некоторое время показались гуси. Дуплет не принес успеха, но спаниелька стремглав выскочила из шалаша скрадка и кинулась в ледяную воду. Спустя несколько секунд она вернулась, неся в зубах резинового чучело утки (чучела были расставлены вблизи шалаша для привлечения живых птиц). Резиновую утку спаниелька подавала с таким выражением, словно говорила: «Ты сомневался в моей воспитанности, а я даже сделала вид, как это принято в приличном обществе, что не заметила твоего промаха, и принесла тебе твою добычу».

Артур с улыбкой погладил собачку и, зарядив ружье, стал ждать. На этот раз повезло: не оплошал и сбил крупного гуменника. Пока тот падал, спаниелька уже

мчалась к воде. Она проплыла мимо резиновых чучел, совершенно не обращая на них внимания, в зарослях осоки нашла грузную птицу и, вытащив ее еще бьющуюся на сушу, принесла восхищенному и растроганному охотнику.

Карат (так звали лайку охотоведа Бориса Михайловского) носил поноску из воды, но делал это неохотно. Однажды на озере их постоянный спутник Юра выстрелом сшиб крякву, да так, что она упала на сушу почти у его ног. Борис решил воспользоваться случаем и потренировать собаку, на глазах у которой это произошло. Взяв утку у Юры, он бросил ее в воду: «Карат, подай!» Пес послушно выполнил команду хозяина. Борис опять кинул птицу. Карат еще раз сплавал за кряквой. Потом все повторилось в третий раз. После четвертого заброса Карат, выбравшись на берег и отряхнувшись, направился с уткой в зубах не к хозяину, а к Юре и подал ему злополучную птицу. Казалось, что он сейчас скажет: «Забери свою утку наконец, а то хозяин замучит меня до смерти». Удивленный сметливостью пса, Юра выполнил молчаливую просьбу и спрятал добычу в ягдташ.

С. КОРЫТИН

ГОЛУБОЙ ПЕСЕЦ НА ВЕТКЕ

«С ветки за ней наблюдает голубой песец или задиристая белка»
Из книги «Тайга без выстрелов»

...В Керженских урочищах обитает около 80 видов лесных птиц. На болотах гнездятся журавли. Есть глухариные и тетеревиные тока, где самцы показывают себя перед самочками: распускают хвост и крылья, дерутся, токуют. И только после этого глухариное или тетеревиное племя разбивается на пары...

Ст. «Живет один заповедник...»
Автор Т. Никольская,
АиФ (Нижний Новгород), № 21, май, 1995 г.
Прислал В. ЗАДОНСКИЙ, Н. Новгород

Ах, какая юная в запахах запущенной сирени, черемухи и жимолости народилась новая жизнь, пока сходили снега, а Тургенев сидел, запершись в доме. Поначалу он не ушел далеко, а лишь недолго постоял на вечерней тяге у оврага. Собака нервно терлась о его сапоги, и первая алмазная звезда на чистом серо-синем небе зажглась рано... Он убил двух глухарей и взволнованный Антипка, задыхаясь, принес их ему в зубах.

Из книги С. Соловьева «Иван Тургенев. Метафизика любви». (Искусство кино, 1995, № 3).
Прислал М. БУЛГАКОВ, Москва

Вот в эту снежную круговерть и пальнул Пыхов. Дуплетом. С двух стволов. Пальнул, потому что уже не смог сдерживать выстрел. Пальцы одеревенели, покрылись холодной изморозью.

Выбираясь из снега, он спохватился: «Ружье, где мое ружье?»

Оно оказалось под боком. Он принял было его за сучок. Оперся на него, да так, что стволы изогнулись коромыслом. Ложа сломана, приклад расколот...

Чтобы как-то скоротать ночь, охотник глубоко зарылся, лег в снег и накрылся маск-халатом, придавив его ружьем, чтобы ветром не дуло.

«В распадке» (рассказ)
Автор А. Захаров, газ. «Земля боготольская», № 40,
апрель, 1995 г.
Прислал В. СЕЛЕЗНЕВ, г. Боготол

ДОРМИДОНТОВ Р. Зимы середина 1

ОХОТНИЧЬЕ ХОЗЯЙСТВО И ПРОМЫСЕЛ

РУКОВСКИЙ Н. Охота в моей жизни 2
 БОРЕЙКО В. История боли и героизма 6
 МИХАЙЛОВ А., КЛЮКИН Н. Волки Подмосковья 16
 УСПЕНСКИЙ С. Хищные птицы 18
 Картины из перьев 20
 Фотографирует А. Дигилевич 30

МОЛОДОМУ ОХОТНИКУ

ЛАДЫГА П. С манком на лисицу 32

СОБАКОВОДСТВО

ЕГОРОВ О. Русская гончая. Подведение итогов 8
 ГИБЕТ Л. Охотничьи собаки мира 25

ОРУЖИЕ И СНАРЯЖЕНИЕ

АДЕЛЬФИНСКИЙ А. Измерение расстояний с помощью бинокля 14
 ВАРНАКОВ А. Пуля Полева 36

ЗА РУБЕЖОМ

СЕВИЧ Д. «Сафари по-русски»: юмористический термин? 22

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СТРАНИЦЫ

СЕМЕНОВ Г. На пути к радости 26
 ЯНКОВСКИЙ Валерий. Янчен 38
 БУЛГАКОВ М. Охотничьи команды в русской армии 41
 Письма читателей 44
 На привале 46
 Реклама 12, 13, 15, 37

На четвертой странице обложки:
 Дожили: теперь забота охотника не в том, где добыть зверя, а куда сдать пушнину.

Фото В. Семенова

Главный редактор О. К. Гусев

Редакционная коллегия:
 М. М. Блюм, М. В. Булгаков, Г. В. Висящев,
 Т. А. Волжина (ответственный секретарь),
 Л. А. Гибет, В. В. Дежкин, Р. В. Дормидонтов,
 А. М. Лаврова, Я. С. Русанов, В. Г. Сафонов,
 К. П. Савельева, А. А. Севастьянов, А. А. Улитин,
 С. М. Успенский, В. Е. Флинт, В. Б. Чернышев,
 Ю. П. Язан.

Художник В. Ю. Есаулов
 Художественный редактор М. Л. Кнёрцер
 Корректор Э. С. Корчагина

Сдано в набор 3.10.95. Подписано к печати 4.11.95
 Формат 84x108 1/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.
 Усл. печ. л. 5,04. Тираж 57880 Заказ 1425

Адрес редакции: 107807, ГСП-6, Москва Б-78,
 Садовая-Спасская, 18. Тел. 207-24-05, 207-20-91

Ордена Трудового Красного Знамени Чеховский
 полиграфический комбинат Комитета
 Российской Федерации по печати
 142300, г. Чехов Московской области
 тел (272) 71-336
 факс (272) 62-536

**КИНОЛОГИЧЕСКИЙ
 СЛОВАРЬ**

М. МУРОМЦЕВА

Накрыть — напасть, навалиться всей сворой борзых на пойманного зверя, когда его уже не видно под собаками
Налет — другой оттенок верхней части остевого волоса шерстного покрова собак

Намет — спокойный, размеренный галоп борзой
Намин, наминать — повреждение подушечек лап собак, случающееся в период длительной работы

Напирать на птицу — действия легавой с плохой дифференциацией запаха, когда она, причуяв птицу, продолжает без стойки продвигаться вперед и поднимает птицу на крыло

Напружина — некоторая выпуклость, изогнутость верха спины или поясницы собаки; у одних пород считается нормой, у других — недостатком

Нарыск — свежий след красного зверя (волка, лисицы)

Нарядная — собака красивого, эффектного, насыщенного окраса

Наседать — (о гончей) упорно, вязко, неотрывно гнать зайца, быстро распутывая все его хитрости и уловки

Наслехжи — следы и другие признаки жизнедеятельности, оставленные мышами

Наставлять — показывать собаке (например, гончей) след зверя, стараться, чтобы она причуяла, взяла его

Настеганный — опасный заяц, бывавший под гоном собак

Настовик — молодой заяц, родившийся в марте текущего года, еще на снегу, «по насту»

Натечь — найти, напасть на след зверя (о гончих)

Натирать чутье — развивать охотничьи задатки собаки, втягивать ее в работу, тренировать и обучать ее

Нахаживание — обучение, тренировка, приучение лайки к охоте, то же, что натаска легавой, нагонка гончей или притравка норной

Нацветы — 1. У черноподпалых собак большие участки вкрапленый рыжих волос под мышками, на бедрах, снизу на груди; 2. Небольшое черное пятно или вытянутый «язык» на подпалах конечностей

Недопесок — непородистая собака, метис, получившаяся в результате скрещивания представителей двух или нескольких пород

Недоработанная — не совсем правильно, неокончательно или плохо подготовленная к охоте или испытаниям собака

Нежный на рану — 1. Зверь или птица, плохо переносящие ранения, скоро погибающие; 2. Собака, плохо, болезненно переносящая малейшие травмы

Непоимистая — борзая, даже очень резвая, но не обладающая ловкостью, чтобы словить, схватить зайца, и поэтому упускающая его; имеет нередко такие дефекты экстерьера, как короткая шея, недокус (собака не может захватить зверя, удержать его в зубах), слишком крупный рост

Несгодовалая — борзая или гончая, не достигшая возраста одного года

Неслух — непозывистая, непослушная собака, не реагирующая или плохо реагирующая на команды ведущего, не воспринимаящая сигналы рога

Несозревшая — шерсть ряда пород жесткошерстных терьеров, еще не достигшая определенной длины, и тогда обработка ее (тримминг) бывает болезненной для собаки

Нести на чутье — (о гончей) быть в непосредственной близости от зверя, гнать вплотную, буквально касаясь его хвоста

Нести на шипце — (о борзой) быть в непосредственной близости от зверя, бежать за ним, буквально касаясь его хвоста

ФОТОКОНКУРС

«ОХОТА И ПРИРОДА»-1996

*Редакция журнала
«Охота и охотничье хозяйство»
объявляет фотоконкурс под девизом
«Охота и природа»-1996.*

Для участия в фотоконкурсе приглашаем всех желающих из всех стран мира и СНГ.

На конкурсе принимаются как слайды (любого размера), так и черно-белые фотографии размером 13—18 см на глянцевой бумаге (в двух экземплярах). Фотоочерки могут состоять из любого количества фотографий.

На оборотной стороне каждого снимка (или в сопровождающем письме) мягким простым карандашом укажите, пожалуйста, фамилию, имя, отчество (полностью) автора, его паспортные данные, адрес, название снимка (или серии), место съемки.

На конверте напишите: на фотоконкурс «Охота и природа»-1996. Журнал интересуется любая тема, связанная с охотой и охотничьим хозяйством: все виды и способы охоты, охотничьи звери и птицы, деятельность обществ охотников и охотничьих хозяйств, биотехния, мероприятия по спасению животных, борьба с браконьерством, пейзажные и жанровые фотографии и т. д.

За лучшие фото и фотоочерки установлены премии:

- 2 первые — по 500 тыс. руб.;
- 3 вторые — по 200 тыс. руб.;
- 4 третьи — по 100 тыс. руб.

Присланные работы (кроме слайдов) не возвращаются и могут быть использованы для иллюстрирования журнала.

Просим высылать фотографии в адрес редакции: 107807, ГСП-6, Москва, Б-78, Садовая-Спаская ул., 18, журналу «Охота и охотничье хозяйство» (не позднее 10 декабря 1996 года).

Итоги конкурса будут подведены в первой декаде января 1997 г. и опубликованы в журнале.

